

Роксана Геден

16+

Майская свадьба

Сюзанна-2

Роксана Гедеон
Майская свадьба

«ЛитРес: Самиздат»

1993

Роксана Гедеон

Майская свадьба / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат», 1993

«Майская свадьба» – вторая книга исторического сериала Роксаны Гедеон «Сюзанна». Придворная дама Марии Антуанетты, Сюзанна влюбляется в капитана де Вильера, которого считают врагом королевского двора. Член тайной ложи, вольнодумец и любитель чувственных наслаждений, он приглашает ее в круг своих загадочных друзей, среди которых – посол США в Париже Джефферсон. Влюбленная без памяти, опьяненная страстью, 19-летняя Сюзанна не замечает, как смыкается вокруг монархии кольцо изощренного заговора, как надвигаются на страну страшные потрясения и как опасность нависает над ее собственной жизнью.

© Роксана Гедеон, 1993

© ЛитРес: Самиздат, 1993

Глава первая

«Маленькая беседа»

1

Сен-Пьер, столица Мартиники, был обыкновенным городком с населением не больше двух тысяч жителей. Впрочем, в уюте и добротности ему нельзя было отказать: он был почти полностью построен из камня, его узкие улицы были аккуратно вымощены булыжниками, а дома с красными черепичными крышами и цинковыми навесами выглядели нарядно, даже кокетливо. Женщины носили здесь яркие платья и причудливые головные уборы, порт был полон загорелых матросов, негры в закатанных до колен полотняных штанах грузили в шлюпки огромные бочки рома – все это было причиной тому, что город казался невероятно пестрым, разношерстным.

Пока Маргарита вводила меня из порта, где можно было оглохнуть от непрерывного гомона, в котором сплетались французская, испанская и английская речь, я изумленно оглядывалась по сторонам. Несмотря ни на что, настроение у меня было хорошее. Я радовалась тому, что наконец после шести недель морского путешествия чувствую под ногами твердую почву, что закончились мои тревоги, а главное – что нет вокруг меня расстилающегося на многие мили океана.

К сожалению, нас никто не встречал. Офицер, которому было поручено сопровождать и охранять меня, отправился на поиски проводника, а я тем временем отдыхала на террасе губернаторского дома. Здесь было тихо и спокойно, а высокие эвкалипты давали густую тень. Губернатора дома не оказалось, но он оставил экономке распоряжение насчет меня. Я приехала на Мартинику под именем мадам де Бер, но можно было не сомневаться, что губернатор, как человек опытный, догадывается, кто я на самом деле.

Экономка угостила меня чашкой местного шоколада, невероятного пахучего и густого, как патока, но я успела сделать только два глотка, как вернулся офицер.

– Я нашел одного негра, мадам. Он берется сопровождать нас до фермы. Я полагаю, это будет лучше, чем ночевать здесь, у губернатора.

– Вы нашли карету?

– Карету? Боже мой, какая может быть карета... Я нашел повозку, мадам. Кареты остались в Париже.

– Довольно! – сказала я в ярости. – С меня достаточно ваших насмешек. На ферму я поеду сама. Надеюсь, вам не приказано стеречь меня до самой усадьбы?

Офицер пожал плечами. Ему самому наверняка хотелось остаться в Сен-Пьере, повеселиться в кабаке за пинтой вина, пообнимать девушек. Я была рада, что избавилась от него. Он верно служил моему отцу и надоел мне до смерти.

Час спустя деревянная повозка раскачивалась во все стороны, трясясь по ухабистой дороге. Путь наш сначала пролегал по берегу, вдоль которого вытянулись длинные песчаные пляжи, потом тропа повернула в лес, чему я была очень рада: наконец-то исчезла из виду эта изумрудная океанская вода, на которую я уже без тошноты и смотреть не могла. Но дорога, к сожалению, стала еще хуже, и я даже стала переживать по поводу того, что будет с моим ребенком.

– Осторожнее! Нам некуда спешить!

Маргарита обмахивала меня веером. Хотя над повозкой был натянут полотняный тент, от жары у меня взмокла и отяжелела не только одежда, но и волосы.

– Неужели здесь, на Мартинике, всегда так жарко? – спросила я у нашего проводника.

– Да, молодая госпожа! Но не волнуйтесь! Сейчас дожди идут каждый день.

Он улыбнулся. Неожиданно белоснежные зубы сверкнули на его черном лице. Маргарита вздрогнула и, перекрестившись, сжала мою руку. Она много слышала о негритянском колдов-

стве и до сих пор панически боялась чернокожих, хоть прежде ей и доводилось видеть негрят, отданных в услужение версальским дамам.

– Мы в самый ад угодили, мадемуазель. Это плохое место! Такого решения я от вашего отца никак не ожидала.

Я оглядывалась по сторонам. Только сейчас мне стало понятно, что то, что я приняла поначалу за спутанный лианами лес, – на самом деле, должно быть, плантация: мы ехали между двумя рядами деревьев с широкими блестящими листьями, между которыми свисали длинные, похожие на тонкие трубки, темные бархатные плоды, от которых исходил довольно приятный аромат.

— Это ваниль, – на ломаном французском пояснил мне проводник. – Но она еще не созрела. Ее будут собирать в сентябре.

Ванильные плантации закончились, и мы, миновав небольшую рощу, в которой бамбук перемежался с папоротниками, бальзамино и еще какими-то зарослями, показавшимся мне кустами дикой акации, выехали на бескрайние поля сахарного тростника. Он был такой высокий, что мы ехали, словно между двумя стенами леса. Наконец, вдалеке замаячили какие-то желтые лачуги, крытые пальмовыми листьями, над которыми вился голубоватый дымок. По дороге нам стали попадаться негрятки: в пестрых платьях, в причудливых тюрбанах, они шли танцующей походкой, покачивая бедрами, и бросали на нас цепкие взгляды. Появление этих женщин означало близость какого-то селения.

– Остановитесь-ка! – раздался сзади крик и топот нескольких лошадей. Четверо всадников обогнали нас и преградили нам путь. – Назад! Назад!

– Что это значит? – спросила я, обращаясь к негру-проводнику.

Он пожал плечами. Вид у него был озадаченный.

– Что вам угодно? – спросила я, поднимая голову. Соломенная шляпа слетела у меня с головы, белокурые влажные волосы рассыпались по плечам.

– Это земля Пьомбино, – сказал один из всадников и указал в сторону, где виднелась крыша какого-то дома. – А это – ферма Пьомбино. Сворачивайте с этой земли!

Что-то знакомое странно укололо меня. Пьомбино? Наша деревня в Тоскане располагалась недалеко от Пьомбино... Кому пришло в голову назвать именем этого тосканского города плантации и ферму?

– Почему сворачивать? – спросила я, закрываясь рукой от солнца.

– Это земля Антуана Пьомбино.

– А далеко ли до усадьбы Шароле?

– Нет, – всадник махнул кнутом, указывая направление. – Не более мили. Это возле Гран-Ривьер.

– Но ведь это по соседству! – возмутилась я. – Зачем же нам сворачивать, если через вашу землю наш путь будет вдвое короче?

– Я не хочу с вами спорить, мадам. – Всадник спешил и подошел ко мне. – Но вы не имеете никакого права ездить по чужой земле, если ее хозяин не хочет этого.

– Это вы – Антуан Пьомбино?

– Нет. Среди нас его нет. Мы – его помощники.

– Давайте я заплачу вам пошлину за то, что проеду, – раздраженно ответила я. – Неужели ваш хозяин так скуп? В таком случае ему нужно воздвигнуть вокруг своей земли крепостную стену.

– Мы не возьмем ваших денег. Сворачивайте!

Я в бешенстве приказала проводнику развернуть лошадь.

– Передайте своему хозяину, – крикнула я напоследок, – что если ему вздумается проехать через земли и ферму Шароле, с ним поступят таким же образом.

Я гневно покусывала платок, удивляясь дикости здешних обычаев. Какой-то Антуан Пьомбино запрещает мне ездить по его земле! Да он, наверно, простой негоциант, у которого нет ни одного поколения предков-дворян. И он смеет преграждать дорогу принцессе де Тальмон!

Я чуть не прокусила себе губу от злости. Помимо задетого честолюбия была и другая причина: усталость. Беременность я переносила не слишком легко, и сейчас моей заветной мечтой было добраться до места и отдохнуть. Эта тошнота, это тело, ставшее таким неуклюжим...

– Ладно уж, мадемуазель, – примиряющим тоном сказала Маргарита, – поедем другой дорогой. Нужно было еще в Сен-Пьере узнать, нет ли в здешних местах чудаков вроде господина Пьомбино.

– И он, скорее всего, итальянец! – воскликнула я разгневанно. – Пьомбино!

– Думаю, тут хватает людей из любых уголков света. Но за их добродетель я не поручусь. Только проходимец может выжить на этих островах, я так полагаю...

Мы ехали еще примерно полчаса, прежде чем ферма Шароле, называемая еще «Маленькой беседкой», показалась из-за густых деревьев.

Но это не была маленькая беседка в буквальном понимании: это был большой, сложенный из крупного местного камня дом, похожий на крепость, – темный, с мощными, выкрашенными светлой охрой деревянными ставнями и крышей из массивной коричневой черепицы. Два цветника, в которых благоухали огромные розы, были разбиты перед домом. Но на этом вся куртуазность поместья и заканчивалось: оно выглядело как хозяйственная усадьба, центр большого рабочего поселения. Сразу за домом выстроились хозяйственные постройки: сушильни, конюшни, амбары. В загонах мычали козы. Индюшата важно разгуливали по двору. И над всем этим хозяйством витал крепкий спиртной дух, свежий и слегка сладкий, более сильный, чем даже в Сен-Пьере: была как раз та пора, когда сок сахарного тростника на винокурнях Мартиники перегоняют в ром.

Я прошла по широким, утопленным в землю, каменным плитам, которыми была вымощена дорога к дому, и остановилась. Мне навстречу спешил высокий мужчина, большой, грузный, в мятой рубаше и кожаной безрукавке. Толстые штаны его были стянуты широким поясом. На вид ему было лет сорок. Будто по случаю большого приема, он напялил на себя завитой парик, изрядно потрепанный и весьма обременительный в такую жару, и его полное отекавшее лицо с толстыми губами блестело от пота. Мне он не слишком понравился.

– Вы господин Воклер? – спросила я, с трудом припомнив имя управляющего.

– Да, конечно! А вы, видно, дочь принца. Хозяйка...

Он сделал жест, приглашая меня в дом.

Я шла по дому, убеждаясь, что его обстановка очень отличается от того, к чему я привыкла во Франции. Каменная кладка стен, не прикрытая штукатуркой, придавала здешним помещениям суровости; мебель была либо тяжелая и грубая, либо – откровенно местная, кустарная, плетенная из стеблей сахарного тростника. Все комнаты были небольшие, окна, распахнутые настежь, пропускали мало света.

– Два часа назад я получил известие о вашем приезде, – нехотя пояснил Воклер, заметив мое замешательство. – Мы хорошо потрудились для вашей встречи и приготовили вам лучшую комнату. Эй, Селина!

Стройная темноволосая девушка остановилась на пороге.

– Это хорошая рабыня, – сказал управляющий, – ее учили в Сен-Пьере ухаживать за знатными дамами... Она будет вам хорошей горничной.

– Это рабыня? – переспросила я. – Она же совсем белая.

– Селина? Да, она рабыня. Но это вы только сперва ею брезгуете, потом привыкнете. Она квартеронка¹... К тому же крещеная.

Мне казалось странным, как светлая женщина, внешне ничем не отличающаяся от француженки, может считаться рабыней. Впрочем, сейчас было не время вникать в такие подробности.

— Заберите мои вещи из повозки, – сказала я, обращаясь к Селине, – я хочу переодеться.

Маргарита, не доверяя новой служанке, отправилась выполнять поручение вместе с ней. Воклер проводил меня в комнату, которую он называл «самой лучшей». Ничего хорошего я, впрочем, не ожидала, потому что уже осознала: мой отец, отправляя меня на край света, желал не только скрыть то, что со мной случилось, но и некоторым образом проучить меня, дисциплинировать. Обстановка этой усадьбы явно должна была напомнить мне тот дом в Тоскане, где прошли мои ранние годы; это я уяснила хорошо.

Но комната оказалась лучше, чем я в своем унынии предвидела. Здесь была добротная кровать из темного дерева с плотными муслиновыми занавесками – очевидно, для защиты от насекомых, шкаф, несколько ларей для вещей и одежды, начищенное до блеска серебряное зеркало. А главное – окно этой комнаты выходило в тенистый сад. Прямо перед окном росло дерево, усыпанное десятками огромных, величиной с мою ладонь, пурпурных цветов. Эти цветы свешивались на подоконник, он был весь покрыт золотистой цветочной пылью. Обилие цветов, фиолетовых, оранжевых, алых, самых причудливых форм и оттенков, было и на других деревьях. Среди ветвей порхали, попискивали и испускали тонкие крики птицы с прозрачными лиловыми крыльями.

– Это рай какой-то, – проговорила я, приятно удивленная. – Как здесь все ново, необычно...

Но в целом, конечно, в этой комнате я чувствовала себя подавленно. И одиноко, что уж скрывать... Путешествие закончилось, я очутилась в том месте, куда меня отослали, и должна была здесь ожидать рождения ребенка. Место оказалось не таким уж плохим для пребывания, но... на душе у меня снова стало тоскливо. Я хотела ребенка, конечно, и за время долгого морского плавания смогла хорошо это осознать, однако меня очень угнетало отсутствие какой-либо родной души рядом. Анри де Крессэ стал ошибкой легкомысленной юности, графа д'Артуа я так и не любила, да и он, прямо скажем, любил меня очень своеобразно, если даже не защитил от отцовской воли. В общем, все было так пусто и глупо...

Пришла Маргарита – единственная родная душа, заметила мое состояние и принесла стакан воды с несколькими каплями успокоительного средства. Спустя некоторое время мне действительно стало легче. Слезы отступили. Сидя в плетеном кресле перед окном, я подумала, что Мартиника – в целом, интересное место, здесь стоит побывать хотя бы из любопытства... так, чтобы в старости похвалиться внукам, что видел Вест-Индию. И, раз уж меня занесло сюда, надо это как-то перетерпеть.

— Все изменится, – сказала Маргарита, будто угадав мои мысли. – Вы слишком молоды, мадемуазель, чтобы всерьез печалиться. И потом, кто знает, может, Мартиника принесет что-то новое в вашу судьбу?

«Если бы не только новое, но и хорошее», – подумала я и взялась вместе с ней пересматривать привезенные вещи.

2

«Если родится девочка, я назову ее Жанной, а если мальчик – Жаном. Ведь этот ребенок появится на свет летом, как святой Жан Батист². И если подумать, то это даже хорошо, что он никому, кроме меня, не нужен и никто им не интересуется, – если бы он был законный, была бы целая церемония с крещением и именами. А так все будет просто. Кроме того, он будет мой, только мой... Моя родная душа».

Я часто думала на подобные темы по утрам, нежась в постели, пока ставни еще не были распахнуты и в комнате царствовал полумрак. Так было и в это утро. Прошел уже месяц с той

поры, как я приехала на остров, до родов мне оставалось, по нашим с Маргаритой подсчетам, семь или восемь недель, поэтому мысли о ребенке посещали меня все чаще.

Я дернула веревку звонка. Маргарита вошла так быстро, словно всю ночь стояла под дверью.

– Что ни говорите, мадемуазель, – сказала она, помогая мне подняться, – а ночи здесь ужасны. Едва семь часов вечера – будто кто-то свечи гасит одним махом. И так мало белых вокруг...

Она налила воды в медный таз и подала мне салфетку из тонкого полотна, чтобы я вытерла руки и лицо.

Я начала умываться и вдруг замерла, вспомнив кое-что неприятное.

– А что, – спросила я, – мадемуазель Дюран уже встала?

Маргарита кивнула.

– Уже встала, – проговорила она, понижая голос, – уже даже завтракала.

Я поморщилась.

Две недели назад по приказу моего отца на ферму Шароле прибыла мадемуазель Дюран – высокая, сухая, бесцветная дама неопределенного возраста. Скорее всего, ей было около сорока лет. В письме, которое эта особа передала мне, отец сообщал, что она – известная в Париже сиделка со множеством рекомендаций и что ее обязанностью будет помогать мне ухаживать за ребенком на первых порах. И хотя я не понимала, какой помощи и советов можно ожидать от женщины, которая сама никогда не имела своих детей и даже не была замужем, мне пришлось смириться с ее присутствием. Она делала вид, что следит за моим режимом и питанием и под этим предлогом вмешивалась во все дела, и всюду делала замечания.

– Ее нужно как-нибудь устранить на сегодняшний день, – сказала я. – Она мне надоела. Мы с Воклером собирались ехать в Сен-Пьер покупать рабов. Ты же знаешь, мне давно пора развеяться.

– Мадемуазель Дюран явно это не одобрит. Да и на пользу ли вам пойдет эта поездка?

– Ах, я вовсе не такая слабая, как ты представляешь.

Я закончила умываться и, выпрямившись, вдруг замерла на месте. Радостно-испуганная улыбка тронула мои губы. Я медленно поднесла руки к животу.

– Господи, что это с вами? – воскликнула Маргарита, бросаясь ко мне. – Больно, да?

Я покачала головой.

– Нет, совсем не больно... просто он ворочается! Ой! Боже! Маргарита, он двигается, да еще как!

Я ухватила за ее плечо и рассмеялась до слез. Маргарита провела рукой по моим волосам.

– Ну-ну, успокойтесь! Разве можно так смеяться? Вы еще не знаете, что вас ждет два месяца спустя...

– Ах, наоборот, я хочу, чтобы это случилось поскорее. Я так устала ждать!

Дверь отворилась и бесцеремонно, даже не постучав, вошла мадемуазель Дюран.

– Хорошо ли вы себя чувствуете? – спросила она. – Завтрак уже ждет вас.

– Оставьте меня в покое! – приказала я раздраженно. – Вы разве не видите, что я еще не готова!

– Поторопитесь, говорю вам, поторопитесь.

Я была вне себя от подобной наглости. С чего мне торопиться? Ни король, ни королева, ни даже граф д'Артуа не говорили со мной в таком тоне.

– О, дайте мне вернуться в Париж, – пообещала я гневно, – вот там вы, мадемуазель Дюран, узнаете, что я с вами сделаю!

При такой угрозе она обычно удалялась. Так случилось и теперь. Едва за ней закрылась дверь, я повернулась к Маргарите.

– Быстрее! Давай-ка одеваться!

Я теперь носила только широкие – даже очень широкие – шелковые платья преимущественно ярких расцветок; волосы прикрывала белыми муслиновыми чепчиками. Правда, эта вест-индская мода после вычурных мод Парижа казалась мне немного смешной.

Я завтракала поспешно, потому что в Сен-Пьер действительно надо было приехать как можно раньше. На Мартинике была пора тропических ливней; чуть ли не каждый день после полудня на землю изливался такой поток воды, какого в Париже и ждать было нельзя. Воклер предупредил меня, что вернемся мы только завтра к вечеру: составление купчих требовало много времени.

Я вышла из столовой в коридор, размышляя, куда же девался Воклер. Странное сопение и возня доносились из одной из комнат. Я прислушалась. Нечто подобное слышалось и в версальских закоулках, когда какая-нибудь парочка решала уединиться.

– Господин Воклер, оставьте меня, я умоляю вас!

Не задумываясь, я распахнула дверь. Толстый грузный Воклер, обхватив за талию какую-то девушку, обнимал ее так грубо, будто пытался свалить на пол. Она отбивалась и плакала.

– Селина! – возмутилась я. – Немедленно отпустите ее, вы слышите?

Она вырвалась из его рук и выбежала из комнаты, украдкой бросив на меня благодарный взгляд. Я топнула ногой.

– Воклер, мне все это надоело. Я жду вас уже полчаса. Может быть, вы все-таки вспомните о своем обещании?

Я пыталась замять случившееся, но управляющий был разъярен и едва скрывал это. Возможно, если бы я не была дочерью принца, он бы набросился на меня с кулаками.

– Черт возьми... вечно вы появляетесь не вовремя!

– Я появилась как раз вовремя, да! И не трогайте больше Селину. Она ведь моя горничная, не так ли?

Воклер дышал тяжело, с надрывом, бросая на меня ненавидящие взгляды.

– Какое вам дело до Селины? Она рабыня. Я ведь деньги вашему отцу высылаю в Париж исправно и в срок, правда? Так чего же вы мешаете мне жить, как мне хочется?

– Я не потерплю, чтобы в моем присутствии насиловали девушек.

– Каких еще девушек? Она рабыня. Черт возьми, неужели вы не понимаете этого?

Я ушла, сознавая, что мои возражения ничего не изменят.

Всю дорогу Воклер ворчал и дулся на меня, но лошадь вел осторожно, и мне не на что было пожаловаться. Я быстро забыла о случившемся. Я была так далека от дел фермы, условий жизни рабов, их страданий и горестей. Я лелеяла только одну мечту – родить ребенка, стать стройной и красивой и как можно скорее вернуться в Париж. Жаркая, яркая Мартиника мне по-своему нравилась, конечно, но оставаться здесь надолго я не собиралась.

В Сен-Пьер мы прибыли около часу дня, когда вот-вот должен был начаться ливень: небо отяжелело, воздух был влажен и душен. В скудной тени высоких пальм расположился маленький аукцион: продавалась собственность разорившихся негоциантов – несколько десятков рабов и четыре рабыни.

– Вы займетесь этим, Воклер, правда?

Соглашаясь, он кивнул головой, и я отошла к рыночным лоткам и лавкам. Многоголосый гомон стоял над площадью и исчезал среди густой листвы тропических деревьев.

– Цена на сахар снова падает, – жаловался один негоциант другому, – стало быть, и на черную патоку тоже.

– Слава Богу, большинство моих плантаций – ванильные, и я не понесу больших убытков.

– Э-э, сударь, не обольщайтесь! Ваниль тоже может не удержать позиций... да и что такое эта ваниль по сравнению с сахаром? А вот рабы вздорожают, ведь в нынешнем году их заве-

зено из Гвианы намного меньше, чем в прошлом, да и работорговля внутри острова несколько приуныла – вы не находите?

– Ваша правда, сударь, да и как же ей не приуныть? Доходы падают, тут не до работорговли. Все права – у дворян, у аристократов. Им и льготы, и привилегии. А они все равно разоряются и только мешают другим.

– Да-да, – подхватил его собеседник, – разоряются и ведут королевство к катастрофе. Вы слышали, недавно состоялось собрание нотаблей³? Они снова обсуждали положение страны и нехватку денег в казне.

– Я читал об этом и, признаться, был возмущен. Собрались и не придумали ничего нового! Осудили Калонна⁴ за растраты, не согласились на перемены и дали согласие на заем размером в семьдесят миллионов ливров! Глупость какая! И это при нынешних государственных долгах!

– Уверяю вас, сударь, они падут под тяжестью всего этого, – шепотом произнес негодник, – под тяжестью долгов и собственной глупости. Во Франции бурлит весь Париж. Я чувствую, что вот-вот что-то случится...

– Поделом им, если и случится! Кто берется управлять государством, тот должен делать это в интересах всех подданных, а не только маленькой кучки аристократов.

– Тише, сударь, тише!

– А что такое?

– А рядом с нами... взгляните-ка! Вы разве не слышали? Она как раз из тех, из «гран-блан»⁵.

– Вот как? Я думал, она креолка.

Они имели в виду меня, и я быстро отошла в сторону, нечаянно задев локтем молодую женщину лет двадцати пяти в белоснежном батистовом платье, кружевных митенках и шляпе из рисовой соломки.

– Рада познакомиться с вами, мадам де Бер! – воскликнула она, всем своим видом выражая радость от того, что видит меня.

Это стало для меня сюрпризом. Я и не собиралась знакомиться с ней, поэтому приходилось предположить, что она нарочно находилась рядом, изыскивая способ знакомства. Удивленная, я пробормотала извинения за то, что толкнула ее, но дама не хотела отпустить меня так просто.

– Оставьте, оставьте, это все сущие пустяки. Я давно хотела увидеть вас. Наш маленький остров так и гудит о приезде юной дамы из Парижа... И конечно, сочувствует вам.

– Сочувствует? – недоуменно переспросила я. – Но почему?

– По поводу смерти мужа, мадам. Вы так молоды и уже вдова.

Я посмотрела на нее с удивлением. Кто она, такая наивная, чтобы поверить легенде, сочиненной моим отцом и переданной в письменном виде губернатору? Дама не отличалась особой красотой, но у нее был мягкий взгляд глубоких черных глаз, нежный маленький рот, красивые каштановые волосы, а еще, что куда важнее, – ласковая кошачья грация, странное, обволакивающее обаяние. Малопривлекательной чертой ее облика были разве что испорченные зубы – на Мартинике многих женщин постигала эта беда.

Словно угадывая мои мысли, она представилась:

– Мое имя – Жозефина де Богарнэ, урожденная Таше де ла Пажери. Может быть, вы слышали обо мне?

Она говорила громко, но пыталась приглушать голос – видимо, ей указывали на этот недостаток, и она всячески старалась его исправить. Я улыбнулась. Откуда же я могла слышать о ней? Ее имя украшалось частицей «де», но по ее облику я видела, что происхождение этой дамы не слишком высокое.

– От своего управляющего я знаю, что усадьба Ла Пажери находится неподалеку от Сент-Пьера. Это так?

– Возле Труаз-Иле, – уточнила она. – Не так уж близко от вашего поместья, но мы вполне могли бы встретиться за чашкой чая.

Я улыбнулась с некоторым сомнением, но ответила как можно приветливее:

– О да, разумеется. Я сама хотела пригласить вас.

– Как я благодарна вам! Здесь жизнь так скучна. И, сказать по правде, Мартиника – не слишком веселый остров. Чего стоят только эти ураганы, способные разметать даже колокольню.

— Тут бывают такие ураганы?

— Постоянно! Когда мне было тринадцать, наш дом совершенно уничтожила буря, – уцелела только кухня и печная труба. А этот кошмарный вулкан? Разве вы не слышите, как он урчит по ночам?

Мне пришлось проглотить комок, подступивший к горлу.

— Здесь есть вулкан?

— Еще какой! – Она указала веером на север, где возвышалась гряда гор, и, проследив ее жест, я со страхом уяснила, что, оказывается, живу как раз возле вулкана. Сделав большие глаза, Жозефина добавила: – Он называется Монтань-Пеле. Представляете, ровно пять лет назад, когда с острова выгнали отца Лавалетта, он проснулся и начал клокотать по ночам. Иногда можно даже видеть языки пламени, вырывающиеся из его адского жерла!

— Кто такой отец Лавалетт? – выговорила я с усилием.

— Это был такой священник, знаменитость здешних мест. Он запутался в долгах и в отчаянии уехал во Францию. Именно в год его отъезда вулкан и ожил.

Сама она, впрочем, не выглядела очень испуганной. Кажется, ее весьма окрыляла перспектива завести со мной дружбу и болтать о чем попало.

— Да что там говорить? Мартиника скучна. Раньше, до развода, я жила веселее.

– Вы разведены? – пораженно спросила я, не веря своим ушам. Ведь это неслыханное дело – развод! Оказывается, эта Жозефина, или как там ее, отнюдь не тривиальная особа, она, как говорили в Версале, особа со скандальной репутацией!

– Да, я разведена. Виконт де Богарнэ бросил меня. Знаете, он так любил парижанок. Наша семейная жизнь в столице совсем не задалась. А после развода мои дела оказались в таком расстроенном состоянии, что я вынуждена была вернуться на остров.

– Не представляю, как можно было вас бросить, – сказала я вполне искренне. – Я уверена, он сделал ошибку. Вы интересная женщина, сударыня.

Действительно, в этой бойкой креолке было что-то притягательное. Даже ее постоянные претензии на хорошие манеры, ее жеманство не казались отталкивающими из-за ее странного, броского обаяния. Я невольно подумала, что эта женщина, вероятно, нравится мужчинам.

– Вы счастливы, – вдруг сказала она, – у вас будет ребенок. Это утешит вас в трауре.

– А у вас разве нет детей?

– Нет-нет, что вы! Какая жизнь без детей? Взгляните! – Она указала пальцем на двух не слишком нарядных детей, игравших в сторонке. – Дочь и сын. Не правда ли, они прелестны!

Я неуверенно качнула головой, чувствуя, что от солнца и ее болтовни у меня начинается головокружение.

– Простите, мадам, – сказала я креолке, – меня ждут.

– О, я обязательно заеду к вам, если позволите, – сказала она, удерживая меня и сжимая мне руку. – Обязательно заеду! Мы с вами смастерим выкройки парижских мод... вы же мне поможете? Мне это крайне необходимо. К концу лета я собираюсь с детьми в Париж. И не могу же я поехать туда, совершенно не зная мод! Конечно, я понимаю, что ко двору меня не

представят, но все-таки... ведь это Париж! Я, к сожалению, провинциалка. Большую часть жизни провела на ферме. Ах да! Я еще хотела попросить вас...

– Прощайте, мадам де Богарнэ, – сказала я, не вытерпев, – вы выскажете мне вашу просьбу после. Когда заедете.

Я очень устала, лицо у меня покрылось испариной, как часто случалось в последнее время. Воздух был невыносимо душен, и я даже в своем легком платье чувствовала себя отвратительно. Приближался дождь – один из тех коротких, но необыкновенно мощных тропических ливней, которые в мае обрушивались на Карибы почти каждый день, и рынок поспешно свертывался, торговля прекращалась. Коммерсанты торопились в гостиницу, работоторговцы забивали негров в колодки и уводили в тюрьму, крыша которой виднелась из-за пальмовой рощи.

– Сколько вы заплатили, Воклер? – спросила я, подходя к управляющему.

– Почти тысячу экю, мадемуазель. За семерых крепких рабов. Наши плантации получат отличную подмогу.

На площадь налетел сильный вихрь, взметнул обрывки бумаг, швырнул мне в лицо мелкий песок. Не начнется ли сейчас ураган? От рассказа мадам де Богарнэ о здешних штормах, сметающих дома, мне было немного страшно, поэтому я, не дослушав Воклера, быстро, насколько позволяло состояние, пошла через площадь к гостинице. Мне пришлось идти мимо шеренги рабов – и новых, вывезенных из Гвианы, и вест-индских. Громко зазвенела цепь. Раздались встревоженные возгласы работоторговцев, засвистела плеть, и я, обернувшись, вскрикнула от испуга. Светлокожий стройный мулат, вырвавшись из рук надсмотрщиков, бросился ко мне, схватил за подол платья. Он был закован в железо, разъевшее ему руки и ноги, одет в лохмотья, сквозь которые проглядывала окровавленная спина.

– Что такое? – спросила я испуганно. – Оставь меня!

– Мадам, ради Бога! Я умоляю вас!

– О чем?

– Купите меня! Ради Христа, купите! Иначе они убьют меня, уже сегодня убьют!

К мулату подбежали надсмотрщики, схватили за руки, пытаются оттащить от меня. К месту происшествия приближался и сам работоторговец – в черном сюртуке, с завитыми и напудренными волосами. В руках у него был кнут. Такими кнутами бретонские пастухи собирают свои стада.

– Мадам, я могу быть секретарем. Я крещеный и, кроме французского, знаю еще два языка – английский и испанский. Мой бывший хозяин научил меня... Я могу составить любую бумагу, могу писать стихи...

– Сударыня, извините меня, – любезно обратился ко мне работоторговец. – Будьте уверены, с этого черномазого спустят шкуру.

– Спустят шкуру? Не слишком ли это? Он не сделал ничего плохого.

Ребенок шевельнулся у меня под сердцем, и я невольно поднесла руку к животу. Я не должна совершать злых поступков. Я не должна делать того, о чем позже пожалела бы... И почему бы мне, собственно, не помочь человеку, который просит о спасении?

– Воклер, – произнесла я громко. – Воклер, идите сюда.

Мулат смотрел на меня умоляющими глазами, и я невольно чувствовала смущение, смешанное с состраданием. У него были правильные черты лица, близкие к европейским, умный взгляд глубоких черных глаз. Впрочем, я ошиблась, приняв его за мулата; он скорее напоминал индейца-полукровку, потомка племени карибов, что когда-то населяли Мартинику.

– Воклер, я хочу, чтобы вы купили этого раба.

Управляющий уставился на меня с полнейшим изумлением.

– Купил? Но какая же от него польза? На плантациях он не протянет больше одного сезона.

– Он не для плантаций.

– Может быть, – ехидно произнес Воклер, – он будет давать вам уроки танцев?

Краска бросилась мне в лицо.

– Замолчите! Мне надоели ваши насмешки... Если только вы откажетесь исполнить мою просьбу, я все расскажу отцу... я пожалуюсь, что вы дурно со мной обращались, что вы нарочно все делали мне назло. Да, именно так я и скажу!

Воклер смотрел на меня с яростью, но больше не ехидничал. Возможно, он догадывался, что у меня с отцом не слишком хорошие отношения, но он знал и то, что мой отец не потерпит, чтобы его управляющий невежливо обращался со мной, мадемуазель де ла Тремуиль де Тальмон.

– Что за женские бредни... Я, наверно, приставлен к вам для того, чтобы исполнять все ваши капризы!

– Как тебя зовут? – не слушая управляющего, обратилась я к мулату.

– Кантэн.

— Где ты получил образование?

— В миссии Сен-Луи. Отец Лавалетт воспитал меня.

Услышав это имя, Воклер издал негодующий возглас:

— Отец Лавалетт? Этот проходимец? Говорю вам, мадемуазель де Тальмон, от таких рабов не будет проку. Отец Лавалетт был иезуит, а иезуиты учили индейцев и негров только тому, как обманывать хозяев. Они даже совместно изобретали яды, чтобы травить белых... да-да, уверяю вас!

Я жестом отмахнулась от всей этой чепухи. Рассказни управляющего не вызывали у меня ни малейшего доверия.

– Воклер, вы купите Кантэна. Это мой каприз, и я хочу, чтобы он был исполнен.

Тропический дождь грянул с небывалой силой – мы едва успели дойти до переполненного торговцами и фермерами отеля под громким названием «Тампль». Я медленно поднималась по лестнице в комнату, как вдруг от запахов жареной рыбы, доносившихся из кухни, у меня закружилась голова. Тошнота всколыхнулась в груди, перед глазами потемнело. Я знала, что это лишь приступ дурноты, обычный в конце беременности, но теперь я стояла посреди лестницы и рисковала упасть по ступенькам вниз. Вцепившись руками в перила лестницы и сжимая зубы, я умоляла Пресвятую Деву о том, чтобы эта дурнота прошла.

Сильная рука поддержала меня за талию. Опираясь на эту неожиданную и такую надежную поддержку, я решила открыть глаза. Это был какой-то мужчина – сильный, высокий, куда выше меня.

– Вам дурно, сударыня?

Я ответила утвердительно легким движением век.

– Обхватите мою шею руками, я отнесу вас в комнату.

Я сделала так, как он приказывал. Он на удивление легко и осторожно подхватил меня на руки, поднялся по ступенькам и, распахнув ту дверь, на которую я указала, мягко усадил меня в кресло.

– Что с вами случилось? Может, нужен врач? Насколько я вижу, вы в положении.

– О, нет, врач не нужен! – воскликнула я поспешно, находя, что этот человек, будучи мне незнаком, осмеливается говорить о слишком деликатных вещах. – Все в порядке, я вам очень благодарна.

Из-под опущенных ресниц я бегло оглядела его. Он показался мне очень красивым – сероглазый, широкоплечий, статный и уверенный, прямо как пират. В нем чувствовалась сдерживаемая сила, необузданность. А еще у него были прекраснейшие волосы – белокурые, волнистые, как и у меня, настоящая золотая россыпь, связанная сзади бархатной лентой.

– Я был рад оказать вам услугу, милейшая мадемуазель де Тальмон.

Неприятно удивленная, я едва смогла скрыть свою досаду.

– Ах, так вы знаете, кто я! Вы что, из Парижа?

– Прямым. Но я не задержусь на Мартинике надолго. Я буду здесь всего два дня по пути в Порт-о-Пренс⁶.

– И кто же вы?

– Боюсь, вы будете разочарованы. Я – Рене Клавьер, торговец.

– Ах, торговец, – произнесла я и вправду разочарованно. – Так вы не аристократ!

Эти слова вырвались у меня невольно, и я имела все основания опасаться, что мой новый знакомый обидится. Но он только усмехнулся. Слегка наклонившись ко мне, так, что это его движение выглядело даже несколько интимно, он разъяснил:

— Увы, мои родители были всего лишь коммерсантами в Ницце. Однако я не особенно нуждаюсь в титуле, чтобы чувствовать себя хорошо. В Париже у меня есть банк, если только вы, мадемуазель де Тальмон, знаете, что это такое.

Это замечание можно было расценить как ответную колкость. Я возмутилась:

— Разумеется, знаю! Я даже умею читать и писать, не сомневайтесь...

— И не думал сомневаться. Ваш отец, принц де Тальмон, оказывает мне честь, пользуясь кредитом в моем банке.

Мои глаза встретились с его глазами. Они были серые, спокойные, ясные, но непроницаемые, за их стальным спокойствием крылась какая-то ледяная бездна. Холодок пробежал у меня по спине, словно предчувствие чего-то опасного, что могло войти в мою жизнь с появлением этого человека. От него исходил дорогой запах серой амбры и еще чего-то... горькой полыни, кажется. Его сюртук из тонкого темно-синего сукна слегка распахнулся, и я заметила, что с внутренней его стороны к шелковой подкладке что-то приколото. Это была очень красивая сияющая брошь – то ли звезда, то ли роза, с темным треугольным камешком внутри. Можно было подумать, что это не украшение, а какой-то знак отличия. Но зачем носить его так, скрыто?

Он проследил за моим взглядом и, кажется, моя внимательность не доставила ему удовольствия. По его лицу промелькнула тень. Он выпрямился, одернув камзол.

— Мое почтение, мадемуазель де Тальмон. Буду рад продолжить знакомство в Париже.

«Какая самонадеянность, – подумала я. – Где это, интересно, мы можем продолжить знакомство? Уж не воображает ли он, что его будут принимать в Версале?» Спихватившись, я поблагодарила его:

– Вы оказали мне большую услугу, спасибо, господин Клавьер.

Он любезно поклонился и ушел, все так же непонятно усмехаясь. Я чувствовала какое-то замешательство и некоторое время не могла прийти в себя после его ухода. Во-первых, этот мужчина был так хорош собой и так хорошо одет (я впервые за долгое время встретила на Мартинике мужчину не взмокшего, свежего, без темных кругов от пота подмышками), а я... я сейчас никак не могу похвастать красотой. Во-вторых, он, такой красавец, оказался всего лишь торговцем. И в-третьих – что самое скверное, – теперь он разболтает всему Парижу, где я и в каком положении. Беременная мадемуазель де Тальмон, которую спас торговец от падения с лестницы! Мне это было совсем не по вкусу.

Подойдя к окну, я увидела, как Воклер, стоя под навесом, возится с железной цепью, сковывающей рабов. Я приподняла подгнившую раму. Брызги ливня полетели мне в лицо.

– Эй! – крикнула я. – Воклер! Не трогайте Кантэна. Он нуждается в хорошем обращении.

– Если его не связать как следует, он сбежит.

– Почему?

– Потому что он раб, черт возьми!

Я рассердилась.

– Не желаю слушать ваши чертыханья! Отпустите Кантэна. Пусть идет в гостиницу.

– Святая пятница! Вы выложили за него двести экю и теперь хотите дать ему сбежать? Вот это женский ум!

– Мне надоело с вами пререкаться. Делайте, что вам говорят.

Я прилегла на постель, вслушиваясь в то, что происходит во мне. Я была переполнена тревожно-радостным предчувствием, томным ожиданием появления на свет ребенка. Как бы мне хотелось пережить все это в Париже, в спокойной прохладной атмосфере нашего дома на Вандомской площади, а не здесь, среди шума и суеты фермы, среди злобных криков Воклера и стонов избиваемых негров. Зачем нужно было отправлять меня так далеко? Почему я не могла уединиться на время в каком-нибудь маленьком замке? В эти минуты я ненавидела отца. Возможно, он даже желал смерти моему ребенку? Все можно было предполагать, ведь он был в такой ярости в тот последний вечер, когда мы с ним виделись.

Внизу, на первом этаже гостиницы, Воклер громко спорил о чем-то с работником, составляя купчие. Я так и уснула под эти крики.

Вечером следующего дня, оказавшись у порога фермы Шароле, мы застали переполох, редкий для этого обычно тихого места. Как оказалось, исчезла Селина. Взяв утром лучшую лошадь из конюшни и пользуясь доверием, которое ей оказывали надсмотрщики, она ускакала в неизвестном направлении. Поскольку у нее были кое-какие деньги, можно было предположить, что она не осталась на острове, а села на корабль, отплывающий на Сан-Доминго или в Сен-Люсию⁷.

О побеге было сообщено начальнику полиции, коменданту военного гарнизона и даже губернатору, но Селина исчезла, как в воду канула. Воклер, впрочем, был уверен, что она не так далеко, как многие предполагают.

– Эта девка, возможно, сбежала в Пьембино, – твердил он, – к тому сумасшедшему итальянцу, который воображает, что рабы должны быть свободны. И как ее теперь достать? Этот человек – разбойник, стреляет без предупреждения, а его подручные – и того хуже.

3

— Я всегда мечтал об учебе. Я всегда хотел стать адвокатом. Удивительно, не правда ли? Однажды мне удалось присутствовать на одном из процессов. Это было тогда, когда отца Лавалетта начали таскать по судам. Он очень страдал, конечно, но я в те годы выучил латынь, потому что переписывал его документы и общался со стряпчими. Так что адвокатскую речь я смог бы составить совсем недурно...

Кантэн говорил горячо, взволнованно, и мне было приятно слышать такую искренность в голосе. Мы сидели в тени полотняного навеса, вдалеке виднелись дома поселка Гран-Ривьер, а на синих волнах океана, простиравшегося перед нами, качались многочисленные рыбацкие лодки. Я часто проводила время здесь, на пляже, усыпанном диковинным для меня черным вулканическим песком. Обычно утром, после завтрака, я брала книгу, корзинку с едой и садилась в портшез – этот способ передвижения порекомендовал мне Воклер, потому что дороги в этой части острова были почти непроходимы, и езда в повозке грозила неприятностями. Портшез доставляли на берег два раба; еще несколько негров приносили сюда плетеные стулья и устанавливали нечто вроде шатра. После этого я могла до вечера гулять по лагуне, смотреть на больших морских крабов, зарывать босые ноги в черный песок, шлепать по кристально чистой, теплой, как чай, воде, и находиться вдали от хозяйственной суеты фермы.

Лагуну со всех сторон окружали известняковые утесы. На юге возвышались суровые склоны вулкана Монтань-Пеле, а на севере открывалась прекрасная панорама океанского пролива и далекого берега Сан-Доминго.

Кантэн часто сопровождал меня и развлекал беседой. Мы даже вместе обедали: раскладывали корзинку, которую для меня собирали на кухне Шароле, и я щедро делилась с ним кусками запеченного лангуста, жареной ягнятиной и очищенными тропическими фруктами, которых здесь было полное изобилие.

Сейчас индеец сидел рядом со мной прямо на земле, скрестив ноги по-турецки. Мы болтали о том о сем, и, услышав об его желании выучиться на адвоката, я прониклась к нему уважением.

– В Париже легко можно получить образование, которое ты хочешь, – произнесла я, – там есть Сорбонна – старинный университет. Там есть коллеж Луи-ле-Гран и еще много всяких пансионеров. Но для учебы нужны деньги. И я не знаю, принимают ли туда индейцев...

– Да. Моя кожа – самое большое препятствие.

– Не огорчайся. Я возьму тебя в Париж. Ведь я поеду туда, как только... ну, словом, как только все закончится.

До родов мне осталось не больше недели. Я слегка волновалась, но увещевания Маргариты значительно уменьшали это волнение. «Вы молоды и здоровы, мадемуазель, ну, а то, что вы очень молоденькая, так это ничего. Для ребенка это даже лучше. Вам привезут врача...» Хороший врач, которого рекомендовал мне отец, жил в военном гарнизоне, в крепости Форде-Франс, и мадемуазель Дюран еще вчера поехала туда, чтобы обо всем договориться.

– Вы так добры, мадам. Для меня вы просто светлый ангел.

Кантэн улыбнулся мне широкой улыбкой, сделавшей красивым его загорелое худошавое лицо.

– Я тоже довольна тобой. Благодаря тебе я хоть чуть-чуть буду знать английский...

Он действительно учил меня английскому и рассказывал мне о Мартинике удивительные вещи. Его предки были из племени кариба, того самого, что когда-то жило на этом острове и называло его Мадина – «Цветущая». С тех пор, как сюда прибыл Колумб, в жизни кариба произошли большие изменения: большинство индейцев приняло христианство и отказалось от варварских обычаев людоедства, но были и те, что не покорились и долго еще демонстрировали европейцам свирепость своего нрава. По словам Кантэна, известняковая скала, возвышающаяся возле Сен-Пьера, по той причине называется Томбе-де-Кариб – Могила Кариба – что здесь покончил с собой последний вождь этого племени.

— Он бросился со скалы вниз, на камни. Так поступали все кариба, которые не хотели признать власть белых.

— А ты? Как получилось так, что отец Лавалетт уделял тебе столько внимания?

Память об этом священнике сохранялась на Мартинике повсюду. Кантэн упоминал его к месту и не к месту и относился к изгнанному иезуиту с почтительностью и сочувствием. Вот и сейчас, едва я упомянула это имя, на лице индейца мелькнуло страдание.

— Он уделял внимание не только мне, но и всем моим соплеменникам. И не только он... Все его помощники в миссии Сен-Луи защищали нас, учили христианству, грамоте и музыке.

— Что это за миссия, о которой ты все время говоришь?

— Иезуитское поселение возле деревни Ле Прешер. Орден Иисуса строил там рай на земле, я так понимаю...

— Рай на земле?

Он взглянул на меня крайне серьезно:

— Да. Но ничего у монахов не вышло. И не могло выйти, потому что рай на земле невозможен. Это, должно быть, была дерзость против Бога.

В рассказе Кантэна я, впрочем, не усмотрела ничего дерзкого. Оказывается, в течение почти половины столетия миссия Сен-Луи выполняла на острове задачу по христианизации индейцев. Иезуиты отнюдь не превращали туземцев в рабов, как это обычно делали белые плантаторы, и не нарушали их привычного уклада жизни. Они обучили их выращивать на Мартинике сахар, какао, кофе, индиго, бананы – плантациям миссии не было видно ни конца, ни края. Индейцы-христиане вместе трудились на общественных полях, все плоды их труда поступали в хранилища, из которых каждый потом получал свою долю. На территории миссии был возведен красивый храм, действовали школа, аптека, больница, прядильня, где работали

старые женщины... Но эта обитель справедливости и покоя была обречена на гибель, по словам Кантэна, в тот день, когда глава местных иезуитов, отец Лавалетт, решил нарушить замкнутость миссии и начать торговлю.

— Выращенного было так много, что склады просто ломились от товаров. Отец Лавалетт взялся нагружать корабли и отправлять их во Францию. Поначалу все шло хорошо, но потом его опутали своими кознями какие-то ростовщики.

— Ростовщики?

— Да. Они стали часто наезжать сюда и предлагали ему деньги. Он взял заем и собирался вернуть долг, но в одно ужасное лето все корабли миссии были захвачены англичанами⁸. — Кантэн трудно глотнул. — Долги были ужасны. Отец Лавалетт оказался под судом. А потом... потом миссию разгромили. Земли поделили между собой, а всех, кто там жил, превратили в рабов.

То, что я узнала, произвело на меня удручающее впечатление. Я никогда глубоко не размышляла над вопросами веры, и Орден иезуитов занимал меня меньше всего. Но то, что поведал Кантэн, показалось мне возмутительным. Белые люди, христиане, выглядели в свете этого рассказа рвачами, одержимыми жадной наживы. И я впервые слышала о том, что иезуиты, которых во Франции принято было предавать проклятиям, заслужили в Новом Свете столько добрых слов.

— Но ведь Орден потом вообще изгнали из Франции, — произнесла я вопросительным тоном. — Неужели за какие-то долги отца Лавалетта?

Кантэн встрепенулся:

— Да. Как ни странно, именно за это. Парижский парламент принял такое постановление, а король его подписал.

— Но ведь это несправедливо, — сказала я. — За долги одного человека разрушить Орден? Это даже глупо.

Кантэн покачал головой:

— Нет. Очевидно, не глупо.

— Ты хочешь сказать, кому-то это нужно было?

— Кому нужно? — горячо воскликнул Кантэн. — Да хотя бы тем ростовщикам, что опутали моего покровителя. Я убежден, что они сделали это нарочно. И остались в выигрыше, потому что прибрали к рукам все, что принадлежало в Новом Свете Ордену Иисуса.

Я вспомнила красавца, которого повстречала в Сен-Пьере. Рене Клавьер — кажется, так он представился? Он назвал себя простым торговцем, но выглядел увереннее, чем любой принц крови. Мне захотелось спросить у Кантэна, не знает ли он, что означает то украшение, которое я заметила у этого человека с тыльной стороны камзола, но потом передумала. Было уже три часа пополудни. Надо было возвращаться домой и выслушать новости от мадемуазель Дюран.

Новости, впрочем, она принесла неутешительные. Во-первых, во время своего путешествия она угодила в какую-то яму и вывихнула ногу; во-вторых, врач не обещал, что приедет, потому что ему на руки свалился влиятельный пациент: сам комендант форта слег в постель с внезапной болезнью почек.

— Остается только одно средство, — сказала мадемуазель Дюран, — вы должны сами отправиться в Фор-де-Франс и остаться в крепости до родов. Вам подготовят хорошую комнату.

— Но там же, наверное, ужасно беспокойно? Эти солдаты...

— Вряд ли они побеспокоят вас. Форт велик, и для вас удастся найти тихое местечко. — Помолчав, она веско добавила: — Лучше всего ехать прямо сейчас. Дорога неблизкая. Сегодня мы доберемся до Сен-Пьера и там заночуем, а завтра пределаем вторую половину пути.

Я была растеряна. В мои планы не входило вот так сразу покинуть усадьбу Шароле. Да и Маргарита отсутствовала: как на грех, отправилась за покупками в Гран-Ривьер... и это я сама ее послала туда, потому что мне страх как захотелось рыбы.

— Маргариты нет, – сказала я в раздумьях. – Да и кто повезет меня? Ничего ведь не готово.

— Я умею управлять повозкой. А Маргарита прибудет туда сразу, как только сможет.

Поколебавшись немного, я согласилась с ней. Конечно, находиться столь долгое время в обществе мадемуазель Дюран не казалось мне заманчивым, но остаться накануне родов вообще без врачебной помощи страшило больше. Я наспех собрала самые необходимые вещи и полчаса спустя уже ехала в повозке по направлению к столице острова.

4

Дорога шла вниз, теряясь среди тропических рощ. Листья манговых деревьев, усыпанные в это время года крупными пахучими плодами, омытые многочисленными ливнями, умиротворяюще шелестели над головой. По сиреновой дымке, окутавшей раскидистые кроны, было ясно, что приближается ночь. Вечера на Мартинике как такового не было, и ночь не наступала, а просто падала на землю, мгновенно погружала природу в сладостную дымку сна.

Я сидела молча, предаваясь приятным мечтам. У меня будет ребенок, и будет очень скоро... Страшно, конечно, немного, но я согласна поволноваться и потерпеть. Через несколько дней я снова стану стройной и красивой, моя походка приобретет прежнюю легкость, а фигура – грациозность и изящество. Может быть, в меня кто-нибудь влюбится, и я влюблюсь в него...

Меня клонило в сон, но мадемуазель Дюран не давала мне забыться. По какой-то причине она подробно рассказывала мне о своем прошлом, в частности – о том, как ей довелось служить сиделкой у смертного одра Вольтера, и о том, что ни за какие сокровища мира она больше не согласится присматривать за безбожником. Агония Вольтера будто бы была ужасна. Его крики разносились по всему кварталу; в предсмертном ужасе он хватал за горло своего врача и обещал ему половину состояния, если тот продлит ему жизнь хотя бы на полгода, чтобы дать ему возможность исправиться, – иначе его ждет ад, кремешный ад! Когда же до его сведения довели, что продлить жизнь никак невозможно, Вольтер решил отказаться от Причастия, чтобы, дескать, не наживать себе в аду еще одного врага – дьявола.

Я слушала это вполуха, потому что Вольтер был мне сейчас безразличен, но когда она в третий раз повторила, как важно для меня быть послушной дочерью своего отца и загладить грехи, которые я перед ним совершила, я решила отреагировать.

— К чему вы ведете такие речи, мадемуазель Дюран? Кто возложил на вас обязанность поучать меня?

– На меня возложено много обязанностей, мадемуазель де Тальмон, – отвечала она, – о некоторых из них вы даже не знаете.

– Какие же это обязанности? – все еще беспечно поинтересовалась я.

– По уходу за вами.

– А точнее?

Она обернулась ко мне, воинственно расправив плечи.

– Я должна буду позаботиться о вашем ребенке, если вам угодно точнее.

– Вы? – Я улыбнулась, но щемящая тревога уже завладела мной, и я невольно прижала руки к животу. – Каким же образом?

– Ваш отец поручил мне пристроить его в подходящую семью.

Мне показалось, что эта странная дама лишилась рассудка. Она несет какой-то вздор. Или, может быть, я неправильно ее поняла?

– Что значит «пристроить»?

– На воспитание.

– Вы, наверное, сошли с ума, – сказала я. – Мой ребенок не сирота, и только я буду его воспитывать.

– Это совсем не так, мадемуазель де Тальмон. Вы вернетесь в Париж.

– А он? Ребенок?

– Он останется здесь.

– Не понимаю, как это может быть.

– Ваш ребенок останется на Мартинике. Ваш отец не допускает даже мысли, что вы вернетесь во Францию с незаконнорожденным ребенком на руках.

– Вы... вы хотите сказать, что разлучите нас?

– С того мгновения, как он родится. Ваш отец дал мне предписания, которые не допускают двойных толкований. Есть даже семья, готовая принять ваше дитя на воспитание.

У меня во рту все пересохло. Я вздрогнула, пытаясь осмыслить то, что услышала.

– По какому праву? – воскликнула я. – Вы не посмеете прикоснуться к моему ребенку!

– Если вы будете упрямы, то...

– Что «то»?

– Мне поручено просить помощи или у Воклера, или у солдат в форте.

– Ах вот как! – прошептала я в ужасе. – Так вот почему вы везете меня туда!

Я поняла, что попала в ловушку. Подлая мадемуазель Дюран, она одурачила меня и лишила поддержки даже Маргариты!

– Вот черт! – воскликнула я в негодовании. – Остановись сейчас же!.. Стой!

Вместо ответа она хлестнула лошадей, и от неожиданного рывка я упала на спину, больно ушибив плечо. Внутри меня словно что-то надорвалось.

– Проклятая старуха! – вырвался у меня возглас. – Заставить меня родить раньше времени тебе тоже приказано, да?

Я понимала, что с ней не справлюсь: она была выше и сильнее меня, к тому же я была на сносях. Но радостное, почти торжествующее восклицание сорвалось у меня с губ, когда я вспомнила, что у нее вывихнута нога. Как вовремя случилась с ней эта беда!

Я не размышляла более. Изловчившись, насколько это позволяла мне раздавленная фигура, я соскользнула с повозки – благо, что моя спутница еще не выжила из ума и опасалась погонять лошадей слишком сильно. Спотыкаясь и прижимая руки к животу, я побежала к лесу.

Мадемуазель Дюран, очевидно, не ожидала такого маневра с моей стороны: я успела углубиться в лес на добрых тридцать шагов, прежде чем услышала сзади отчаянный крик старой девы:

– Стойте! Принцу де Тальмону все станет известно!

– Можно подумать, этим ты меня испугаешь, – отвечала я громко, лихорадочно пробираясь между деревьями.

Потом я вспомнила, что Дюран идет очень медленно, и мне пришла в голову мысль беречь силы, потому что от ходьбы я очень уставала. К тому же внутри меня от толчка и бега было что-то нарушено, надорвано. Я чувствовала, что это так.

Я не могла сейчас ориентироваться на местности и лишь предполагала, что ферма Шароле находится где-то в западной стороне. Там, где совсем недавно садилось солнце... Я рассчитывала добраться туда пешком и подобрала юбки, чтобы они не цеплялись за колючки.

– Стойте, – стонала сзади мадемуазель Дюран, – из-за вас я лишусь вознаграждения. Как я тогда оплачу дорогу во Францию?

– Да хоть бы ты тут и навсегда пропала, мерзавка!

Мы шли так десять-двенадцать минут, до тех пор, пока я, обернувшись, не заметила с испугом, что расстояние между нами значительно сократилось. Я побежала вперед, опасаясь, что она меня схватит.

– Мадемуазель! – закричала она, ковыляя следом. – Сейчас станет совсем темно. Вас здесь съедят дикие звери!

Мороз пробежал у меня по коже, но я ничего не ответила и не остановилась.

Куча поваленных бурей деревьев преградила мне дорогу. Осторожно пробираясь через бурелом, я поняла, что здесь мадемуазель Дюран пройти не удастся. Вскороости, проковыляв еще какое-то время, я перестала слышать позади себя стоны и возгласы.

– Эй! – осторожно крикнула я в непроглядную темень. Мой крик замер на кронах деревьев, оставшись без ответа.

– Ну, – прошептала я, стараясь отдышаться, – эта старуха, кажется, отстала. Надеюсь на это...

Какое-то время я простояла в нерешительности, растерянная и подавленная. Я ощущала, как что-то струится у меня по ногам, и знала по рассказам Маргариты, что это околоплодные воды. Что же будет? Потом я сообразила, что мадемуазель Дюран может вернуться и привести помощь. Надо идти вперед...

Было темно, как в аду. В воздухе слышался странный жуткий свист, шипение, шуршание, повизгивание, даже старческое кряхтение, и от этих звуков мне становилось тошно. Здешние места мне были незнакомы. Я уже осознала, что возвращаться в усадьбу для меня так же опасно, как и ехать в форт.

Корявое раскидистое дерево, ветки которого я заметила слишком поздно, впилося колючками мне в платье, больно оцарапало щеки. Я вскрикнула.

– Ах, Боже мой! – сказала я сквозь слезы. – Это невыносимо!

Одежду мне так и не удалось отцепить, и я в сердцах рванула платье, оборвав себе весь подол. Заплакав, я побрела дальше. Какое ужасное положение! Где я найду приют в эту ночь?

Мне встретился водопад, ниспадающий со скалы. Я не столько увидела его в темноте, сколько услышала его шум; наощупь, скользя руками по заросшим мхом камням, я нашла холодную струю воды и умылась. Затем напилась, глотая воду с какой-то судорожной жадностью. Я бы пила еще дольше, но мне было страшно долго стоять в одной позе: в это время кто-то мог напасть на меня сзади. Кроме диких животных, на Мартинике было полно всяких злых духов – по крайней мере, рабыни в Шароле без конца судачили об этом.

– Пресвятая Дева, как же мне страшно!

Я не понимала, куда иду, и брела, брела наугад, насилу переставляя ноги. Сердце у меня сжималось. Предчувствие говорило мне, что роды застанут меня не через неделю, а уже сейчас, этой ночью. Может быть, в эту минуту...

5

— Нужно было повернуть немного вправо, – прошептала я, – да-да, немного вправо! Там, кажется, дорога полегче...

Я осторожно стала спускаться по склону. Здесь лес был реже, и сквозь щели между деревьями лился лунный свет. Я цеплялась за стволы и ветки, боясь упасть, – земля была влажная после недавнего ливня, и мои туфли с гладкой подошвой очень скользили. Как устали у меня ноги... Непреодолимая сила тянула меня к земле; я думала о том, как было бы хорошо, если бы я хоть на полчаса прилегла. А то бы и заснула.

Ребенок круто повернулся во мне, и его движения вызвали во мне не приятные ощущения, к которым я уже привыкла, – напротив, резкая боль заставила меня согнуться.

– О Господи! – проговорила я, переводя дыхание.

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась, но потом стала возникать периодически. Чем больше и быстрее я шла, тем чаще повторялись приступы боли, тем дольше и пронзительнее они становились.

На лбу у меня выступил пот, я тяжело дышала, едва успеваю переводить дыхание, которое сковывалось болями, мучившими меня теперь почти каждую минуту.

– К-кажется, – прошептала я, с трудом выговаривая слова, – это уже начинается.

Меня обуял страх. То, что вот-вот должно было произойти, представлялось мне совсем не таким, каким сейчас было. Родить ребенка здесь, в этом диком лесу, где, чего доброго, ползают змеи? Нет, это было бы слишком ужасно!

Забывшись, я слабым голосом звала Маргариту, Нунчу и даже так мало известную мне мать, потом мои губы назвали и имя мадемуазель Дюран, но – увы! – никто из этих людей не мог оказаться поблизости.

Тело с трудом повиновалось мне, я хотела кричать, кричать громко, но боялась собственного крика – мало ли каких зверей он мог призвать сюда, в чашу?

– Боже, ну когда же этому будет конец? – простонала я, сгибаясь едва ли не вдвое.

От боли я искусила себе губы, но самые сильные страдания доставляла не боль, а те короткие промежутки затишья, когда я с ужасом прислушивалась к происходящему во мне и ожидала новых мучений.

Я медленно выпрямилась, чувствуя, как струйка крови из прокушенной губы стекает у меня по подбородку, и с изумлением заметила, что лес находится уже за моей спиной, а я сама стою на посевах чьей-то кофейной плантации.

Боль на некоторое время, кажется, оставила меня, и я могла передохнуть. Схватившись руками за ствол ближайшей пальмы, я ощущала, как мои ноги подкашиваются и я оседаю на землю. Идти до домика, видневшегося на горизонте, у меня уже не было сил.

Время, похоже, близилось к полуночи. С неба на меня равнодушно взирала луна. Мне тоже на какой-то миг стало все безразлично. Я замерла в неподвижности, как истукан, обхватив руками дерево.

Я присидела несколько минут, не в силах пошевелиться и с безумной радостью осознавая, что боль не возвращается. Значит, есть надежда, что мне удастся дойти до какого-нибудь жилища.

Вдруг чьи-то голоса раздалась поблизости. Деревья скрывали фигуры незнакомцев, но я ясно слышала разговор, из которого заключила, что они осматривают окрестности.

– Посмотри там, в лощине, – произнес властный мужской голос, – нам не нужны соглядатаи.

– Хорошо, господин Пьомбино, – отвечала женщина.

– Напрасно ты так беспокоишься, – сказал другой мужчина по-итальянски. – У властей есть другие заботы, кроме как наблюдать за нами.

– Я знаю, что говорю! За некоторые дела мне грозит виселица, так что надо быть начеку.

– Ты преувеличиваешь.

– Заткнись! Вы должны выполнять то, что вам сказано.

– Смотри, смотри! – закричал мужчина. – Куда это бросился наш Вуайю?

Я едва успела уяснить, что оказалась на ферме Пьомбино, и еще не успела удивиться тем путям, что привели меня сюда, как огромный клыкастый пес, глухо рыча, очутился в двух шагах от меня и впился зубами в мое платье. Я закричала от страха.

– Эй, Луиджи! Там кто-то есть!

Они оба устремились ко мне и оттащили пса.

– Эй, кто ты такая? – спросил один из мужчин, направляя свет фонаря мне в лицо. – Что ты здесь делаешь?

– Она, кажется, вот-вот должна родить, – сказал другой.

– Я это вижу, черт возьми! Но какая разница? Она не негрятка, не мулатка, даже не креолка; судя по платью, она обыкновенная «гран-блан», которых я терпеть не могу...

– Кто вы такая, мадам, и что вы здесь делаете?

Я молчала, не находя слов для объяснения. Слишком уж странно было то, что со мной случилось.

– Может, ты знаешь, кто это, Селина? – спросил старший мужчина у девушки.

Селина? Я подняла голову. Да, это была та самая рабыня, из-за которой в Шароле произошёл такой переполох. Значит, Воклер не зря подозревал, что она все еще на Мартинике!

– Пречистая Дева! – сказала Селина. – Это моя хозяйка, господин Пьомбино, это мадам де Бер!

Пьомбино снова осветил фонарем мне прямо в лицо.

Я взглянула на него и его младшего спутника. Пьомбино был очень высок – около шести футов и четырех дюймов роста, худощав и вытянут. Лица его я не видела, зато разглядела волосы – длинные, взлохмаченные, связанные сзади. Его спутника, стоявшего в тени, я совсем не различала.

– Убирайтесь отсюда, – довольно грубо сказал Пьомбино, – и забудьте все, что здесь видели, в том числе и Селину.

– Что вы говорите! – воскликнула квартиронка. – Вы же видите, в каком она состоянии. Разве можно прогонять ее?

– Так и быть, я найду для нее повозку, – сказал Пьомбино, – если она даст честное слово не приводить сюда полицию.

– Вы не можете вот так просто прогнать эту даму! – горячо сказала Селина. – Вы же добрый человек, господин Пьомбино.

– А была ли она добра к тебе?

– Да! У мадам явно случилась какая-то беда. Иначе она не оказалась бы здесь, а была бы в своей уютной спальне. Кроме того, мадам беременна.

– Пустяки! Разве у меня здесь родильный дом?

Он поднял фонарь, и тусклый свет выхватил из тьмы его собственное лицо, лицо его спутника и Селину. Этого было достаточно, чтобы заставить меня пережить самое сильное в жизни потрясение.

Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание – теперь уже не от боли, а от невероятного изумления. Возможно ли это?

– Риджи, – прошептала я. – Антонио, Луиджи!

Они переглянулись и смотрели на меня как на помешанную. Но ведь я-то видела, собственными глазами видела, кто стоит передо мной. Я узнала... О Господи, я узнала собственных братьев!

– Луиджи, – проговорила я, вспоминая полузабытую тосканскую речь. – Это что-то невероятное. Я и подозревать не могла... Ну, неужели вы не понимаете? Я же Ритта. Ритта, ваша сестра!

– Еще один сюрприз за этот вечер, – со смешком заметил Антонио. – Мадам не в себе!

Задыхаясь, я поднялась и в волнении протянула к нему руки. Радость и удивление сплелись в неразрывный клубок: я не сразу находила слова для ответа.

– Ну, вспомните! – начала я более медленно. – Селение на тосканском берегу. Дом покойной Нунчи... Неужели вы не помните? Вы когда-то оставили семью и ушли куда глаза глядят. Ну? Как можно это забыть!

– Ритта? – переспросил Луиджи.

– Сущая чепуха, – заявил Антонио. – Гм, Ритта! Это совершенно невозможно!

– Мы были в нашей деревне, – сказал Луиджи с сомнением, – приезжали туда пять лет назад. Ритта исчезла, вместе с ней пропали Джакомо и Розарио. Никто не знает, куда они делись...

– И тем не менее я Ритта, – повторила я, – по крайней мере, именно так меня звали в детстве. Мы долго не виделись. Но ведь память-то вам не отшибло...

– Мы в последний раз видели нашу сестру, когда ей было восемь лет, – хмуро отвечал Антонио, – вам же по меньшей мере восемнадцать.

– Ну, разумеется. Я же росла. Не оставалась же я прежней. И я узнала много такого, чего вы не знаете. Но я не забыла вас...

У меня все плыло перед глазами. Последние мои слова были полуправдой. За многие годы разлуки я почти не вспоминала о братьях. Другие безчисленные занятия отвлекали меня от этого... Но я помнила их, пусть бессознательно, не отдавая себе отчета, но все-таки помнила!

– Послушайте, лаццарони, – сказала я. – Нашу мать звали Джульетта, так? Если вы будете отрицать это, значит, я сошла с ума. Нас было шестеро детей. Я – самая младшая... Вы же не станете возражать против этого?

Они снова недоуменно переглянулись.

– Мне очень жаль, что вы не помните. Или притворяетесь. Но я-то ничего не выдумываю. От выдумок мне нет никакой пользы... Я просто встретила вас, обрадовалась встрече и подумала, что наше прошлое, возможно, вернется... Мы были бедны, но любили друг друга, правда? Мы жили так дружно. А теперь у меня складывается впечатление, что вы просто не хотите меня узнавать, вот и все.

– Святая пятница! – проговорил Антонио. – Тысяча чертей! Она многое знает о нашем прошлом, как будто это и впрямь Ритта.

– Ну вот, – проговорила я радостно. – Наконец-то!

– Как же ты оказалась здесь, в такой дали от Европы? Что с тобой? Кто твой муж?

– Господин Пьомбино, – вмешалась Селина, – вообще-то при такой встрече полагается обнять и поцеловать сестру.

Антонио потер рукой подбородок и нерешительно взглянул на меня.

– Гм, – пробормотал он в замешательстве. – Если это Ритта, то она стала совсем не такой, какой была в детстве... Она нынче взрослая дама, и имя у нее какое-то французское... Могу ли я обнять ее?

– О, что за глупости! Разве я не такая же для вас?

– В таком случае... – проговорил Антонио.

Он ступил шаг ко мне, протянул руки. И в это мгновение громкий крик сорвался с моих губ. Боль пронзила тело, заставила согнуться. Схватка была такой бурной и мучительной, что я не устояла на ногах и, тщетно цепляясь руками за Антонио, упала на землю.

Я поняла, что у меня начались роды.

Глава вторая

Жанно

1

— Не падайте духом, мадам. Потерпите, – слышала я над собой успокаивающий женский голос и в который раз собирала все силы для терпения. Однако мне становилось еще больнее.

Сначала я громко кричала, но потом, заметив, что в комнате, где я нахожусь, присутствуют совершенно незнакомые мне женщины, я стала сдерживаться: кричать в их присутствии мне было стыдно. Странно, но даже в эти минуты меня не покинула стеснительность... Вот уже несколько часов я ни разу не закричала, а только мучительно стонала и кусала губы до крови. Схватки следовали одна за другой, рвущая боль мутила рассудок.

«Кажется, я сейчас умру, – мелькнула у меня мысль в ответ на эти слова, – никто не в силах вынести такое».

– Ну, еще немного, мадам! Все идет как нельзя лучше.

Эти возгласы ужасно раздражали меня. Кажется, от них я страдала еще более мучительно, чем от боли.

– Г-господи... да замолчите вы наконец, – с усилием выдохнула я, сознавая, что моих стонов все равно никто не поймет. Я чувствовала, что вот-вот разорвусь надвое.

– Уже двенадцатый час кряду... Хорошо ли это, Фаншон?

– Нет. Но я надеюсь за благополучный исход.

Никогда раньше, мечтая о ребенке, я не могла представить себе и десятой доли тех мучений, которые терпела сейчас. Все болезни, мигрени и нездоровья, пережитые раньше, не стоили одной минуты родовых мук.

И эта мерзкая, страшная боль, казалось, усиливалась с каждым мгновением; я уже не могла понять, каким образом выдерживаю ее и не умираю.

– Дышите глубже! Ну, совсем немного осталось, поднатужьтесь!

Дыхание у меня перехватило и, выгнувшись всем телом, я отчаянно вскрикнула, ощутив, как часть моей плоти, что-то крошечное и родное с невыносимой болью отрывается от меня. Руки повитухи подхватили его. Я услышала пронзительный детский крик – отчаянный, требовательный, громкий, а минуту спустя увидела на руках женщины крохотный красный комочек плоти. Смешной, скользкий, некрасивый...

Невероятное облегчение разлилось по телу. Я уже не слышала вокруг себя суеты, женских голосов, беготни служанок, носивших горячую воду. Я с безумной радостью осознала, что боль уже не терзает меня, что я могу успокоиться, отдохнуть от того, что со мной было.

Последним, что пробилось к моему сознанию, было слово «мальчик», тихо произнесенное повитухой. Больше я ничего не помнила. Я то ли забылась, то ли уснула...

Теплая трава ласково щекотала мои босые ноги. Я будто бежала по бескрайним холмам Тосканы, по тропе, петляющей между виноградниками и апельсиновыми рощами.

В воздухе сладко пахло клубникой и лимонами, призывно расцветали розы в саду графа Лодовико дель Катти, дерзко соперничали с ними огромные красноголовые маки, плыли в синем небе белые облака.

Мне явилась Нунча, – старая, грузная, окутанная золотистой мглой сна.

– Давно же мы не виделись, Ритта.

– Я всегда помнила о тебе, дорогая.

– Теперь вас стало больше, не так ли?

– Да. Теперь у тебя есть правнук...

Я очнулась, чувствуя ужасную слабость в теле. Почему мне вспомнилась Тоскана? Где я нахожусь – в Париже или на Мартинике?

Чьи-то руки ласково гладили мои волосы, – влажные, спутанные, беспорядочно рассыпавшиеся по смятой подушке.

– Как она устала, – произнес женский голос. – Бедняжка! Ей действительно пришлось нелегко.

Я открыла глаза. Селина сидела на краешке моей постели, держа в руках миску с чистой водой и полотенце. Она стала умывать меня, и я, подавшись вперед, обнаружила, что малейшее движение вызывает у меня боль. Казалось, что внутри я все еще словно разорвана надвое. Селина осторожно помогла мне приподняться, подложив мне под спину подушки.

– Как же мне больно! Неужели все это никогда не кончится?!

– Фаншон сказала, что вам придется пролежать в постели две несколько дней.

– Но почему мне так больно, ведь роды уже позади?

– Да, позади, но их последствия не так быстро проходят. Благодарите Бога, мадам! Роды у вас были непростые.

– Но где же мальчик, который у меня родился? Где он? – допытывалась я нетерпеливо.

Селина не скрывала своего удивления.

– Вы знаете, кто у вас родился? Мне показалось, Фаншон сказала это совсем тихо, а вы были в беспамятстве.

Я предпочла промолчать. Мне всегда было известно, что у меня будет мальчик, я знала это с того времени, как поняла, что беременна!

– Принесите мне ребенка, Селина!

– Нет, мадам, сначала я приведу вас в порядок.

Она умыла меня, смочив тонкое полотенце в воде, жесткой щеткой причесала мои рас-трепанные волосы.

– Ну, так где же сейчас мой сын?

– Он у кормилицы, мадам, у негритянки Жасмины.

Это сообщение возмутило меня до крайности.

– Да вы просто с ума сошли – отдать моего сына кормилице! Я бы показала вам, как забирать у меня ребенка, если бы могла подняться! У моего сына есть я. Он всегда будет рядом со мной.

– Разве вы думаете сами кормить его?

– Разумеется! – заявила я твердо. – А как же иначе!

– Дамы вашего круга обычно не делают этого.

Я не желала ничего слышать о «дамах моего круга». Грудь у меня щемило от прилива молока, казалось, оно готово брызнуть. Я полагала, что лучше отдать его ребенку, чем туго перевязывать грудь бинтами.

– Принесите мне его, и немедленно!

– Успокойтесь. Ваш маленький Жан скоро будет у вас.

– Мой маленький Жан?

– Да, мадам, священник окрестил его два часа назад. Он прибавил еще несколько имен, но я уж только это запомнила.

Я радостно вздохнула и тут же снова потребовала:

– Тем более я хочу его видеть, и как можно скорее!

Селина, впрочем, не торопилась и вышла из комнаты с непозволительной, на мой взгляд, неспешностью. Меня охватило небывалое волнение. Я вся дрожала от слабости, голова у меня кружилась, и я побаивалась, что потеряю сознание.

– Ах, не уроните его! – вскрикнула я, едва увидев на руках Селины крошечный сверток.

В нем, в этом свертке, была сейчас вся моя жизнь. Незримые, но неразрывные нити тянулись от меня к ребенку, мне хотелось и плакать, и смеяться одновременно, я забыла о боли и слабости, я готова была пережить их вновь, лишь бы всегда быть такой счастливой, как нынче. «Как хорошо, что Селина держит малыша так нежно и бережно... я так благодарна ей!»

– Пресвятая Дева! – прошептала я, приоткрывая личико Жана. Никогда раньше я не делала ничего более ответственного.

На моей правой полусогнутой руке лежала головка ребенка, а левой ладонью я ощущала, как медленно двигаются его теплые крошечные ножки, пухлые и нежные даже сквозь пеленки.

– Какой же он хорошенький, – невольно вырвалось у меня. – Неужели это я его родила?

Мне казалось странным, что после той ночи блуждания по лесу, после прыжка с повозки ребенок родился пухленьким и здоровым. Он пережил со мной все тяготы, но они не оставили на нем ни малейшего следа.

– О Боже! – произнесла я. – Как он похож на отца!

Это сходство было столь разительно, что мне стало даже немного обидно. У моего ребенка, о котором я мечтала столько месяцев, не было ни единой моей черточки – только черты Анри: прямой и такой же упрямый носик, та же линия скул, тот же подбородок и даже те же черные мягкие волосики, выбивающиеся из-под кружевного чепчика.

– Ах, какая жалость! – пробормотала я в недоумении. – Я столько страдала, столько мучилась, а он пошел в отца, который даже не знает о его существовании! В такого скверного, трусливого отца!

Селина деликатно молчала, не подавая виду, что поняла мои последние слова. Конечно, это ее не касалось.

– Прелестный ребенок, мадам. Такой толстенький и здоровый. Только ведь вы блондинка и глаза у вас черные, а у него...

– Да-да, я знаю! – перебила я квартеронку. – Но, может быть, он будет походить на мою мать. Она была смуглая-смуглая, как и все в Тоскане...

Я снова посмотрела на Жана, прикоснулась губами к оливковой мягкой коже на щеке малыша.

– Жан! – прошептала я. – Я тебя люблю больше всех на свете! Пусть я была легкомысленной, пусть я сначала не хотела тебя, пусть мне только семнадцать – все равно я буду самой лучшей матерью, какую ты только можешь пожелать!

Мне вспомнилась та сумасшедшая ночь, когда я брела по лесу, натыкаясь на деревья и царапаясь о колючки, дрожа от страха и кусая губы от боли. Подумать только, эта мегера Дюран хотела забрать у меня это сокровище, мое драгоценное дитя! Что за мерзкая фурия, что за негодяйка!

Не сознавая, что делаю, я судорожно прижала дитя к груди, обняла его, не подумав, что ему, может быть, это не очень нравится.

– Осторожнее! – Селина в испуге бросилась ко мне. – Вы сделали ему больно!

Жан слегка трепыхнулся и заревел так пронзительно, что меня бросило в холодный пот. Я совершенно не умела обращаться с детьми. Один крик этого ребенка привел меня в ужас. Перепуганная, я отдала малыша Селине.

– Ну как вы себя ведете, мадам! – сказала она укоряюще. – Для того чтобы показать свою любовь, совершенно незачем душить ребенка. Он ведь совсем крохотный. Умерьте свои чувства, пожалуйста! Он же не мужчина, чтобы обнимать его так страстно.

– Ах, не читайте мне проповеди! – воскликнула я. – Мне кажется, по части материнства я пока иду впереди вас и знаю больше. Когда у вас будут дети – вот тогда мы посоветуемся.

Я чувствовала, что буду ревновать Жана к кому угодно. Он должен любить только меня. Лишь мне известно, что ему нужно!

– Он орет вовсе не потому, что ему больно. Он голоден! – проговорила я торжествуя. – Видите, я быстрее вас это поняла.

– Возьмите его, мадам, и будьте более сдержанны.

Дрожащими пальцами я расстегнула лиф ночной кофты. Маленького Жана не пришлось просить дважды – крошечные губы малыша, розовые, как цветочные лепестки, жадно припал к моей груди, не дожидаясь приглашений.

– Ну, какой же он Жан? – произнесла я улыбаясь. – Он Жанно, и это куда лучше!

Сердце у меня билось от волнения и радости так сильно, что я опасалась, как бы его бешеный стук не побеспокоил ребенка. Это было невероятно, но теперь у меня появился маленький друг – моя кровинка, моя родная душа. У меня нет матери, и отца, считай, что нет. Однако сейчас я знала, что уже никогда не буду одинока.

2

Я полностью оправилась после родов, которые оказались довольно тяжелыми, только через две недели. Лекарь, привезенный из Сен-Пьера, был согласен с местной повитухой и долго не позволял мне вставать с постели.

Жанно рос и развивался успешно; с каждым днем он медленно, но уверенно прибавлял в весе и становился все симпатичнее: когда ему исполнилось три месяца, он выглядел гораздо краше, чем при рождении. Глаза ребенка и взгляд, сперва такие неопределенные, стали ясными, и я отлично видела, что Жанно – голубоглазый мальчик, просто копия Анри. Анри-то ведь тоже был голубоглазый! Черные волосы Жанно, пока еще редкие, но очень шелковистые, с каждым днем становились все мягче, смуглая поначалу кожа приобретала белый нежный оттенок. Малыш легко узнавал меня среди всех женщин и сразу тянул ко мне ручки, доверчиво улыбаясь.

Остаток осени пролетел совершенно незаметно для меня. Закончился сбор урожая на плантациях, а в ноябре прекратились тропические ливни. В канун Рождества Жанно исполнилось пять месяцев. Малыш теперь мог переворачиваться и даже сидеть, не падая на спину, у него начали появляться первые зубки, а вместе с ними – некоторые горести. Жанно плакал по ночам от непривычных ощущений, и я часами сидела у его колыбели, пытаюсь успокоить. Лишь когда усталость валила меня с ног, мне на помощь приходила Селина. Но в целом все шло без особых осложнений. Я была счастлива и огорчалась только оттого, что молока у меня хватило лишь на первые два месяца. Потом пришлось пригласить кормилицу – дородную негритянку Жасмину. Она с радостью взялась кормить моего сына, впрочем, на этой ферме любой чернокожий рад был сделать что-либо доброе для меня как для сестры хозяина.

Антонио, мой брат, впервые появился на Мартинике восемь лет назад. Китобойная шхуна, направлявшаяся из Нантакета к мысу Горн, сделала остановку в Сен-Пьере по причине вспышки оспы, случившейся на судне. Брата и других заболевших матросов без сожаления оставили на острове, предполагая, что здесь найдутся люди, которые им помогут, а если и не найдутся – невелика беда: от оспы выздоравливали немногие даже при должном уходе. Однако Антонио повезло. Его забрали иезуиты в лазарет, устроенный при миссии Сен-Луи, и каким-то чудом выходили. Лицо его после болезни, конечно, было обезображено, но физической силы он не утратил. Отец Лавалетт, в то время еще руководивший миссией, позволил ему остаться и дал работу на ромовой винокурне.

Болезнь так изменила Антонио, что он пересмотрел свою прежнюю жизнь, проникся интересом к миссии и одно время даже подумывал присоединиться к Ордену. Отец Лавалетт не возражал против этого, но предупредил, что понадобится несколько лет, чтобы проверить твердость его намерения и пройти все необходимые испытания. По природе бойкий и предприимчивый, Антонио выполнял множество поручений священника на острове Сан-Доминго; однажды ему даже пришлось посетить Бразилию, пытаясь найти для своего покровителя финансовую помощь у тамошних руководителей редуций. Однако иезуитские миссии и в Бразилии, и в Парагвае были повсеместно разрушены испанцами и португальцами, Орден иезуитов повсюду подвергался одинаковым, будто спланированным во времени, гонениям, и Антонио не привез на Мартинику ни одной утешительной вести.

Отцу Лавалетту пришлось до дна испить чашу позора и унижения. Миссия Сен-Луи вместе со всем имуществом была поделена между кредиторами, иезуиты были объявлены во Франции вне закона. Уезжая, убитый горем священник поручил Антонио выкупить на предстоящем аукционе хотя бы небольшую часть земли, на которой могли бы найти спасение от рабства наиболее дорогие его сердцу индейцы. По сути, маленькая ферма Пьомбино, расположенная возле деревни Ле Прешер, – это было все, что осталось от некогда богатой и огромной миссии. Осколок прежнего счастья...

И таки да, вулкан Монтань-Пеле действительно ожил в год разгрома Ордена. Давно уже уснувший, он теперь угрожающе урчал по ночам, испуская из-под камней струи белого пара, и от его сдерживаемой дрожи звенели чашки в буфете, а у домашних кошек вставала дыбом шерсть.

3

Был обычный день середины января 1788 года. Сбежав по ступенькам крыльца, я остановилась посреди двора, отыскивая взглядом Жасмину. Так и есть: по своему обыкновению, она сидела на каменной скамейке под навесом и кормила Жанно грудью, одновременно свободной рукой перебирая плоды гуявы в корзине. Я подскочила к ней, заглянула в лицо сынишке.

— Как он? Все хорошо?

— Отменный мальчик, мадам. Очень сильный!

Я погладила лобик малыша, поправила кружевную пеленку. У моего ребенка на ферме Пьомбино было все необходимое – и молоко, и уход, и ласка... да и само место это было оча-

ровательное. Дом был невелик, но очень уютен и обжит, потому что прежде в нем располагалась гостиница миссии (над входом до сих пор сохранился барельеф в виде солнца со множеством лучей и с латинской надписью «Ad majorem Dei gloriam» – «К вящей славе Божией»), и Антонио не пришлось вносить в расположение комнат никаких изменений. Построенный из темного местного камня, дом был украшен водопадами цветущей глицинии, покрывавшей его стены так густо, что, собственно, их почти не было видно; сквозь фиолетовую массу ее цветов проглядывали малиновые огоньки герани, которая росла в горшках на подоконниках. Над печной трубой вился дым, а из кухни доносились запахи лепешек из маниоки и жареной козлятины – готовилась еда для прислуги.

— Время обеда, мадам, – многозначительно сказала Жасмина. – Да и фрукты пора отправить на конфитюр. Гуявы уже пустили сок.

— Я побуду с ребенком, – подхватила я ее мысль. – Ступай, он уже утолил голод.

Мне не удавалось избавиться от легкого чувства ревности к этой темнокожей женщине. Я с удовольствием забрала у нее сына, прижала к груди, нежно покачала, осыпая десятками поцелуев маленькое личико.

— Мой принц! Мой Жанно! Как же это удивительно – тебя не было, и вот ты есть, мой родной!

Малыш заливался смехом, хватал ручонками меня за разметавшиеся пряди волос. Я собиралась погулять с ним в саду и оглянулась в поисках бутылочки с водой, которую должна была где-то оставить Жасмина. В этот момент Антонио влетел во двор поместья на взмыленной лошади.

— Приветствую, Ритта! Я вернулся. Что до Луиджи, то его из Сен-Пьера нелегко выгнать!

Мои братья часто ездили в столицу острова, навещали там некую молодую вдову де Пикуаны. Она держала игорный салон и, похоже, зарабатывала этим; Луиджи пропадал у нее постоянно.

— Наш братец теряет из-за этой дамочки голову, – сказал Антонио, привязывая лошадь у коновязи. Конь жадно пил. Из дома показалась Селина, поспешила принести взмокшему и взъерошенному хозяину кувшин воды и полотенце.

— Наш Луиджи? – переспросила я. – Не думаю. Он так хорош собой, что терять голову должна она.

Антонио долго умывался, фыркая, смеясь и заигрывая с Селиной, потом, ущипнув ее за локоть, подошел ко мне. В ту зиму ему было тридцать лет. Худощавый, высокий, он не был красив, но его живое лицо с характерным угрюмо-задиристым выражением было своеобразно. Из-за оспин, обезобразивших его внешность, он уже мало походил на прежнего Антонио (я помнила его совсем не таким), но, в сущности, это был все тот же тосканский лаццарони, немного разбогатевший и из-за возраста ставший чуть спокойнее. В нем по-прежнему было нечто притягательное, что в детстве заставляло меня и побаиваться его, и одновременно восхищаться им.

— Пойдем в сад, сестра. Пусть обед нам принесут туда. А твой Жанно... постой, не отдавай его няньке. Можно взять его с собой. Расстелим покрывало на траве, он с удовольствием поползает.

Я согласно кивнула. Погода была очень теплая, сухая, и уносить Жанно в дом мне совсем не хотелось.

— Пойдем, Антонио.

В сад, полный фруктовых деревьев, вела усыпанная песком дорожка, а за садом начинались кофейные плантации. Благодаря им над усадьбой постоянно витал умопомрачительный аромат, будто в кофейном салоне; вдобавок к этому кофейные деревца как раз вступили в пору цветения и были покрыты множеством атласных белоснежных цветов. Сад находился на вер-

шине холма, и там была установлена чугунная скамья, с которой можно было видеть бескрайнюю гладь серебристо-голубого океана.

Я вспомнила, что почти год назад, когда наш корабль подплывал к Сен-Пьеру, остров показался мне огромной корзиной цветов, утопающей в морских водах. Мартиника... Я почти полюбила ее теперь, такую цветущую, пропитанную солнцем. Здесь появился на свет мой сын. И хотя я совсем не представляла себе, что ждет меня впереди, и по-прежнему считала жизнь на острове скучноватой, желания вернуться во Францию у меня поубавилось. В конце концов, куда спешить? Отец, возможно, забыл обо мне. Я даже надеялась, что это так. Что касается Жанно, то где ему может быть лучше, чем здесь? Странно, но в данный момент у меня, наследницы знатного рода и громкого титула, не было на свете иного пристанища, чем эта ферма.

— Красиво здесь, – вырвалось у меня.

— Э-э, что теперь говорить! Красиво, но раньше было куда лучше.

— Раньше? Когда ты работал при миссии?

— Да. Вот это была жизнь. А нынче – одно подобие. Полиция постоянно присматривается ко мне, а ферма едва сводит концы с концами. Если б не урок, который дал мне отец Лавалетт, я б подумал о том, как одолжить денег у торговцев с Сан-Доминго.

Антонио сердито ударил огнивом, раскуривая трубку. Табак у него был местный, такой, что слезы могли выступить на глазах от его крепости, и я поспешила унести Жанно от дядюшки подальше, усадила на покрывало. Что до проблем Антонио, то мне они уже были известны: в память о своем благодетеле он не терпел рабства, поэтому его хозяйство было далеко не так доходно, как у тех плантаторов, что использовали рабский труд.

— Но я с ними никогда не свяжусь, конечно. Чтоб я пропал! Обратиться к ним – все равно что попросить помощи у черта.

— Почему ты так считаешь? – спросила я. – Они просто ростовщики. И то, что они обманули иезуитов, вовсе не значит, что ни у кого на свете нельзя брать в долг.

— Дурочка! – сказал он мне, пожимая плечами. – Брать в долг – не грех, но те люди, что дают деньги в рост, – сущие дьяволы.

— Почему?

— Потому что одалживать под проценты запретил сам Христос. Я не знаток Писания, но уж это слышал не раз. Стало быть, если люди прямо нарушают этот запрет, как же их назвать? Люциферово отродье!

Искренняя вера сочеталась в Антонио с простонародной грубостью, но я слушала его не без внимания. Уже не раз при мне он осыпал бранью неких «проходимцев с Сан-Доминго», сознательно спланировавших, как он считал, банкротство миссии, но в этот раз, слушая брата, я вспомнила мужчину, которого встретила в Сен-Пьере еще до рождения Жанно. Он называл себя Рене Клавьером, торговцем, и сказал, что отправляется в Порт-о-Пренс... Задумчиво глядя сына по голове, я спросила Антонио, может ли этот человек быть как-то связан с людьми, погубившими отца Лавалетта.

Брат выпустил фиолетовое кольцо дыма.

— Связан с этим гадючником? Раз он банкир и ехал туда, то даже не сомневайся.

— Я видела у него странное украшение, – сказала я. – Ни у кого из мужчин такого не замечала. Звезда с каким-то треугольником внутри... Ты не знаешь, что это означает?

Антонио яростно сплюнул.

— Не знаю. Но уверен, что явную мерзость! Там, в Порт-о-Пренс, собрались жуткие ублюдки со всей Европы. Их объединил некий Паскуалли, проходимец, португальский еврей. У них денег без счета. Они не только плетут заговоры против Церкви, но и поклоняются голове козла.

Глаза у меня расширились.

— О, что за выдумки, Антонио?!

— Не думаю, что выдумки. Об этом все говорят! – Нахмурившись, он добавил: – Я уверен, что корабли отца Лавалетта не просто так попали в руки англичан. Это все было заранее задумано, чтоб опорочить Орден. Англичан нарочно навели на них. Я в этом нисколько не сомневаюсь...

Селина принесла еду: ломти жареного тунца, деревенский хлеб, масло в горшочке, фрукты и роскошный зеленый салат. Антонио какое-то время еще пребывал в плену своих мрачных дум, потом отставил трубку, деловито пододвинул к себе бутылку с ромом.

— Нужно поесть, Ритта. Потом я скажу тебе кое-что важное.

Он пробормотал благодарственную молитву и жадно принялся за еду. Меня его слова не особо побеспокоили, как не поверг меня в уныние и его рассказ о каком-то змеином гнезде безбожников на Сан-Доминго. Рене Клавьер... Он вспоминался мне, конечно, как вспоминался бы всякий красивый мужчина, но, в сущности, какое мне до него дело? Я его и не увижу больше никогда. Отбросив все тревоги с легкомыслием юности, я наскоро утолила голод, а потом присела рядом с Жанно, стала кормить его кусочками гуявы. Малыш охотно глотал сладкую мякоть фрукта, смешно причмокивал, сок стекал по его подбородку, и я смеялась, вытирая сыну личико.

— До чего ж вы милые, – невольно сказал Антонио, засмотревшись на нас. – Отличный у меня племянник... Очень жаль, что мне предстоит огорчить тебя, сестра!

— Огорчить? Но, Боже мой, что меня может сейчас огорчить? – спросила я все так же смешливо.

— Думаю, что весть о твоём отце. Три дня назад он высадился на Мартинике с десятком своих гренадеров. Я сегодня узнал об этом в порту.

Я побледнела, услышав подобное. Ну, надо же! Кто бы мог подумать... У меня были основания бояться подобных известий раньше, осенью, но теперь, когда наступил январь, я уже убедила себя, что отец, должно быть, отказался от меня, непутевой дочери. В конце концов, что он привязался ко мне? Я знала его каких-то шесть лет, видела редко, но, конечно, была благодарна ему за образование и роскошную жизнь, которую он мне обеспечил. Однако этим мои чувства и ограничивались... Я всегда была одинока с тех пор, как он удочерил меня. Весь этот дурацкий роман с Анри, отношения с принцем крови – это все от одиночества, от заброшенности. И теперь он приехал, чтобы забрать у меня Жанно?!

— О Господи, – прошептала я. – Что ему от меня нужно?

— Он столько денег и сил вложил в тебя, Ритта. Этого следовало ожидать. Я даже дивлюсь, что он так медлил. Должно быть, в Париже у него были дела, которые его задержали, иначе б он примчался раньше.

Растерянная, я поднялась, сделала несколько шагов по дорожке. Здесь, в саду, еще иезуитами были установлены солнечные часы: металлическая пластина на каменном постаменте, отбрасывающая тень, по длине которой можно было судить о времени. Сейчас, вечером, тень была длинная, мрачная и, казалась, тянулась к Жанно, беспечно лепечущему на траве...

Меня обуял страх. Я сжала руки, оглядываясь по сторонам, словно надеясь найти защиту.

— Я немедленно, сейчас же оставляю этот дом. Я должна уехать, непременно уехать, и как можно скорее!

Сильная рука Антонио остановила меня, но я была так взвинчена, что плохо понимала его слова.

— Куда ты пойдешь, ты подумала?

— Я буду мыть полы в тавернах, только не останусь здесь! Я не хочу, чтобы у меня забрали Жанно, не хочу!

Меня бросило в дрожь при одной мысли об этом. Я представила себе, как этот теплый живой сверток вырывают из моих рук, уносят прочь... Это все равно что вырвать сердце!

— Постой, Риттина, подумай немного. Здесь ты в наибольшей безопасности.

– Ну да! В наибольшей опасности, хочешь ты сказать!

– За фермой уже наверняка установлено наблюдение. Как только ты выйдешь за ее пределы, тебя поймают, черт побери! Кроме того, если ты останешься здесь, твой отец, конечно, не осмелится брать ферму штурмом!

Антонио кричал, он был в ярости оттого, что я не внемлю его доводам. Рыдая, я молча смотрела на него и забывала утереть слезы. Мой отец не осмелится?.. Мне смешно было слушать такое. В моем возбужденном сознании могущество отца разрасталось до фантастических размеров.

– Ах, замолчи, замолчи, ты очень ошибаешься! – крикнула я в истерике. – Все не так, как ты говоришь, все иначе! Раз отец здесь, меня никто не спрячет. И не строй из себя героя, ты тоже против него ничего не можешь! Он всех сметает с пути. Если ему понадобится, он пригонит сюда две или три тысячи войска. Мне лучше уйти отсюда в другое место, уехать с острова, подальше от Мартиники!

Я подхватила сына на руки, с силой прижала к себе.

– Я не расстанусь с тобой, Жанно! Не расстанусь!..

Я повторяла это, как заклинание, способное отвести беду от головы этого ребенка. Снова и снова я вглядывалась в черты этого милого личика, запоминая мельчайшую складочку, самый маленький изгиб. Жанно таращил на меня глаза, потом разжал кулачки и широко зевнул.

– Ах, ты ничего еще не понимаешь! – проговорила я с горечью и растроганностью в голосе.

Селина, пришедшая забрать посуду, попыталась меня утешить.

– Все обойдется, мадам, вот увидите, все обойдется!

Что я могла ей сказать? Что успокоение придет ко мне только тогда, когда я окажусь от своего отца на расстоянии в тысячу лье?

– Господин Антонио непременно что-нибудь придумает. Он такой умный, такой храбрый. Настоящее счастье – иметь такого брата!

Я посмотрела на нее сквозь слезы и попыталась улыбнуться.

– Ты что, влюбилась в него, Селина?

– Я? Мать Божья, да с чего вы взяли? Вовсе нет.

– Но только влюбленные могут быть так уверены друг в друге.

Она взяла у меня ребенка, сказав, что унесет его в дом. Я не противилась. Жанно и вправду будет лучше дома, в кроватке, где он сможет уснуть... и где он будет в большей безопасности, чем здесь, в саду. Из дома его вряд ли кто-нибудь выкрадет. А я... я так перепугана и взвинчена сейчас, что малышу от меня больше вреда, чем пользы.

— Успокойся, в конце концов, – с досадой сказал мне Антонио. – Еще ничего не случилось. А я, черт побери, думал о том, что делать, все то время, пока скакал из Сен-Пьера.

— И что ты придумал? – спросила я сдавленно, вытирая мокрые от слез щеки.

Брат попытался трубкой.

— Ты права в том, что здесь тебе задерживаться не следует. Завтра, когда появится Луиджи, я отправлю его с тобой на Сен-Люсию.

Так назывался ближайший к Мартинике остров, очертания которого легко можно видеть со здешнего побережья.

— Может, я даже сам отвезу тебя туда, – продолжал Антонио, будто размышляя вслух. – У Луиджи слишком много ветра в голове. Наденешь платье Селины, обернешь голову негри-тянским тюрбаном, и тебя в повозке не узнают. А ребенка можно спрятать в корзине, чтоб он не был опознавательным знаком. Лишь бы не случилось завтра непогоды...

— А что там... на Сен-Люсии? Кто будет ждать меня там?

— Есть у меня некоторые знакомые. Не скажу, что условия там будут хороши, но несколько месяцев перекантоваться можно. Я так полагаю, раз твой отец большой вельможа, он не сможет долго прозябать здесь?

— Наверное, – всхлипнув, подтвердила я. – У него есть служба... королевский двор...

— Ну, вот и славно. Рано или поздно он уберется с Мартиники. Тогда станет полегче, и ты с Жанно вернешься к нам.

— А как мы поедем? Туда, на Сен-Люсию?

Антонио приобнял меня за плечи.

— У тебя хороший брат, Ритта, скажу это сам о себе без обиняков. Пока ты рвала на себе волосы, я уже все продумал. Еще утром я перебросился парой слов с одним своим знакомым, капитаном шлюпа. Он постоянно курсирует между Мартиникой и Сен-Люсией... И ты не бойся, это хороший парусник, хоть и маленький.

— Я ничего не боюсь, – пробормотала я. – По крайней мере, морского путешествия – нисколько.

— Это и путешествием не назовешь. Завтра вечером будешь уже в безопасности.

Помолчав, Антонио добавил:

— Если захочешь, позже к тебе придет Селина. Ты же у нас нынче белая кость, сама ничего не сможешь делать.

Было уже совсем темно. В дальнем углу сада слуги зажгли факел, и его желтые сполохи теперь были единственным источником света в непроглядной тьме тропической ночи. Антонио поднялся, потрепал меня по волосам:

— Пойдем спать. Ты же знаешь, жизнь здесь замирает в шесть вечера и начинается в шесть утра. Тебе надо собраться...

— Я скоро приду, – сказала я, коснувшись его руки. – Еще минуту побуду. Спасибо, Антонио. Ты спасаешь меня...

— Гм, а разве это не то, что должен делать для сестры старший брат?

Он ушел, огонек его трубки исчез в темноте. Я в растерянности опустила на скамью. Несмотря на то, что план на завтра был составлен, мысли у меня метались. Что, если не удастся дойти до шлюпа незамеченными? Что, если разыграется ураган, и судно останется в порту? Порой меня охватывала такая паника, что мне казалось: убежать из этого дома с Жанно на руках прямо в тропики – лучший выход. Сказать этого Антонио я, разумеется, не могла, он бы счел подобные мысли ужасной блажью. Он приказал мне собирать вещи... но, Господи, вещи – это последнее, о чем я могла думать в такой момент!

Меня поразило то, в какую череду авантюр превращается моя жизнь. Все было так налажено: королевский двор, место фрейлины, предстоящее замужество, бесконечные удовольствия светской жизни. И вот теперь – Антильские острова, побеги, погони, полнейшая неустроенность. Хорошо, что на свете есть Антонио, что он может поддержать меня и прокормить моего сына, а если бы его не было, куда бы я делась? Я молода и очень красива, но у меня нет мужчины, который любил бы меня, а у Жанно нет отца, который о нем заботился бы. Я говорила, что готова мыть полы в тавернах, но на самом деле у меня не было уверенности в том, что я смогу выдержать такую жизнь.

Разумным выходом, вероятно, было бы смягчить отца... убедить его в том, что присутствие Жанно во Франции никак не помешает его планам касательно меня. Да, это было бы разумно. Но я боялась и помыслить о такой попытке. У меня не было уверенности в том, что на этого железного холодного человека можно как-то повлиять, а в случае неудачи я рисковала слишком многим. Как сказала мадемуазель Дюран, отец уже подобрал какую-то семью, в которой Жанно должен воспитываться. Наверно, так обычно делают в подобных случаях. Но согласиться с этим я не могла. Разлука с ребенком – это как конец жизни!

Значит, оставался побег... шлюп... Сен-Люсия... и, может, потом еще какой-то остров из тех многочисленных клочков суши, которыми усеяно Карибское море... И так без конца?

Шорох раздался в саду. Я вгляделась в темноту, но ничего не заметила. Может, какое-то животное? Уже слишком темно, не следует так засиживаться здесь. С тяжелым вздохом я поднялась, собираясь вернуться в дом.

В этот миг легкие шаги послышались позади меня. Секунда – и чья-то мозолистая рука зажала мне рот, не давая вскрикнуть. Обезумев от испуга, я рванулась, попыталась укунить эту шершавую руку, но это не произвело никакого эффекта. Злоумышленник не выпустил меня, более того, я услышала, как к нему подбежал кто-то еще.

— Она кусается, Гизар! Давай мешок!

Кто-то набросил мне на голову полотняный мешок. Я и так почти ничего не различала, но сейчас вообще перестала видеть. Рука, зажимающая мне рот, не давала мне дышать. Круги пошли у меня перед глазами. Я почувствовала, что меня тащат куда-то в глубину сада, к плантациям и дороге, и сделала последнюю попытку вырваться. Нападающий, выругавшись, ударил меня по голове. Больше я уже ничего не помнила.

4

Сознание возвращалось ко мне медленно. Открыв глаза, я увидела над собой обшитый деревом потолок, с которого свисала массивная люстра из литого серебра, слева – полузадернутый шелковый полог кровати, кушетку, обтянутую кожей, несколько кожаных стульев... Где я? Кровать, на которой я лежала, слегка покачивалась, воздух был наполнен густым запахом пряностей, и от этого всего меня сильно мутило. Впрочем, может, не только от этого. У меня немного болела голова... С чего бы это?

— Слава Богу! Наконец-то вы пришли в себя, Сюзанна.

Надо мной склонился человек, в котором я узнала своего отца. Невольный стон ужаса сорвался с моих губ.

— Как вы себя чувствуете? Этот негодяй, Гизар, посмеявшийся вас ударить, уже наказан. Я, конечно, не приказывал ему ничего подобного.

— Вы... не приказывали? Да вы похитили меня! – вскричала я, приподнимаясь на локте. От этого движения комната описала круг у меня перед глазами, и я, осознав свое бессилие, снова опустила голову на подушку.

Принц внимательно посмотрел на меня.

— Я вижу, вы хорошо соображаете. Что ж, сообщу вам, что через пару часов наше судно отправляется в путь. Сейчас утро, но завтрак пока не подавали. Мы можем спокойно поговорить.

— Так я на судне?

— На корабле «Коммерс-де-Марсей». Его капитан доставит нас обоих во Францию. Маргарита здесь же, на борту, и войдет к вам сразу же, как только мы закончим беседу. Я приказал захватить сюда и этого вашего индейца, Кантэна. По словам Воклера, он забавлял вас.

Я безучастно лежала, не вполне разобрав смысл его слов. Я только понимала, что меня выкрали, и сделано это по приказу моего отца. И еще я замечала, что он ведет себя предупредительно... будто пытается загладить вину. Видно, хочет договориться по-доброму? Этого прежде за ним не водилось.

— Должен признаться, Сюзанна, что вы нарушили все мои планы и вели себя совсем не так, как я вам предписывал.

Он пододвинул кожаное кресло и сел рядом со мной.

— Вы думаете, мне так нужно было посетить Мартинику, если я приехал сюда? Да я, тысяча чертей, до самой смерти не появился бы здесь. Я был в Париже, когда Воклер привез мне весьма тревожные известия о вашем исчезновении. Я примчался сюда, провел тщательные

поиски – и что же? Я нахожу вас в доме вашего нового любовника, какого-то итальянца, даже не дворянина, черт побери!

Я смотрела на него с изумлением. Мало-помалу до меня доходил смысл слов принца.

– Какой новый любовник? – спросила я недоумеваю. Мне весьма странно было слышать об этом. – Я была в доме моего брата, Антонио. Мы случайно встретились здесь, на острове. Мне было хорошо у него, и я не звала вас на Мартинику. Вы примчались сюда Бог знает зачем и посмели украсть меня, как какой-то тюк с шерстью... О Боже, да я ненавижу вас!

Я произнесла это негромко, но яростно, так, что у принца дернулась щека.

– О, – сказал он холодно, – вы снова повторили мне те слова, которые я уже слышал в Париже во время нашего последнего свидания. Теперь вы будете часто напоминать мне об этом?

Я смотрела на него с отвращением.

– Не знаю. Я бы предпочла вообще не встречаться с вами.

– Я очень ошибся в вас, мадемуазель. Мне казалось, в вас течет кровь де Ла Тремуйлей, но кровь вашей матери постоянно берет гору.

– Я слышала это уже сто раз. Полагаю, вы привезли меня сюда не за тем, чтобы открыть мне тайну моего происхождения? – спросила я устало, но с некоторой долей язвительности.

– Я привез вас затем, чтобы забрать в Париж, и я это сделаю.

— Я готова ехать куда угодно... лишь бы Жанно остался со мной.

Принц нахмурился.

— Не думаю, что сейчас самое время для этого.

У меня зашлось сердце. Так я и знала! Он не изменил своих намерений. Но о чем же он желает говорить со мной, если отказывает мне в самом важном?!

— Если ваш ребенок находится сейчас, как вы говорите, у вашего итальянского брата, то я полагаю, что нет необходимости его оттуда забирать.

– Я... я не понимаю вас, – проговорила я шепотом.

– Тут нечего понимать, Сюзанна! Все сложилось гораздо приличнее, чем я ожидал. Ваш ребенок, разумеется, должен получить хорошее воспитание. Но пока что он слишком мал. Поначалу я подыскивал хорошую семью, которая позаботилась бы о нем, но сейчас, когда в этом деле объявился ваш брат, можно оставить это дитя у него. А вы вернетесь в Париж и выйдете замуж.

Нет, это казалось мне слишком чудовищным, чтобы быть правдой. Мне представился Жанно. Принц предлагает мне с ним расстаться? Конечно, у Антонио малышу будет неплохо, это я знала заранее: молоко Жасмины, ласка Селины, тепло и солнце Мартиники... Но ведь я буду на другом краю света и уже не услышу его смех, не почувствую теплоту его тепла. Кого он будет называть матерью? Как это вообще возможно – предлагать мне отказаться от сына?

– Нет-нет, – прошептала я, – вы не можете этого сделать.

– Могу, мадемуазель. Для вашего же блага, для вашего доброго имени. Вы вернетесь в Париж одна, и сплетни утихнут.

– Я убью себя, знайте это! – крикнула я с угрозой и яростью в голосе. – Есть вещи, которых женщина не может выдержать!

– Я не дам вам совершить ничего подобного.

Его тон был таков, что я поняла: он выполнит все, что говорит, в этом можно не сомневаться. Но я все-таки сомневалась; может быть, я была так наивна потому, что ощущала себя больной и уставшей и голова у меня пылала, как в горячке.

– Ах, вы говорите так, потому что совсем не знаете моего ребенка, – произнесла я умоляюще. – Если бы вы его знали, вы бы поняли, какое это сокровище. Его нельзя никому отдавать, даже моему брату, это самый лучший мальчик на свете. Сущий ангел. Он плачет совсем не так часто, как другие дети, он тихий и спокойный, просто немного более чуткий. А видели

бы вы, как он улыбается! У него такая мягкая кожа, такие пухленькие щечки, а ручки – они словно ниточкой у запястий перевязаны! Ему уже шесть месяцев, а он еще ни разу не болел. Даже болезнь жалеет такого прелестного ребенка. Жанно ничем и никогда не причинит вам неприятностей...

Я говорила, как в бреду, переполненная чувством отчаяния и надежды одновременно. Сам дьявол был бы тронут моими словами, я вкладывала в них всю свою искренность, всю безграничную любовь, которую питала к Жанно. Принц резко поднялся, с грохотом отодвинув стул. Я заметила, что он избегает моего взгляда.

— Охотно верю, Сюзанна. И сам охотно поглядел бы на этого малыша. Но не сейчас.

— Не сейчас? Что это значит?

Принц отошел к окну, заложил руки за спину.

— Это значит, что пока не время. Сейчас нужно думать о вашем браке. Малыш подождет. Мне не нужны бесконечные сплетни при дворе. В свое время одно ваше удочерение наделало много шума и стоило мне множества усилий, а вы удвоили этот шум своим поведением. Так вот, я хочу, чтобы шум унялся. Пусть общество переключится на другие предметы обсуждения.

Обернувшись ко мне, он уже мягче добавил:

— Но это не значит, что ребенок останется на Мартинике навсегда. Разве вы не знаете аристократических обычаев? Считайте, что вы отдали сына кормилице. Так всегда делают. Когда ребенку исполняется семь или восемь лет, он возвращается к родителям. Я сам так вырос.

— Но я не могу жить без него семь или восемь лет!..

— Это в вас говорит ваша итальянская кровь. Если вы прислушаетесь к своей французской сущности, вспомните о своем аристократическом благородстве, вы поймете, что я абсолютно прав.

Я в ярости ударила кулаком по постели. Черт возьми, он хочет, чтобы я вспомнила о своей французской сущности? О каком-то там чертовом благородстве? Но о чем бы я ни вспоминала, в сердце были только жгучая боль от расставания с Жанно и ненависть к этому могущественному человеку! Чтоб он пропал! Какое право принц имеет вставать между мной и сыном? Ребенка разлучают с матерью только на невольничьих рынках. А до обычаев аристократов в этих вопросах мне нет дела!

— Я никуда не поеду без ребенка! И не позволю везти меня во Францию, как пленницу.

Холодно взглянув на меня, принц направился к двери.

— Боюсь, вам не приходится выбирать. Вы уже на корабле. Что касается пленницы, то вы перестанете ею быть, когда станете носить фамилию мужа. Пусть хоть это поощрит вас к предстоящему браку. Я ничего не желаю так, как устройства вашей судьбы. Быть вашим отцом, мадемуазель, оказалось крайне хлопотным делом.

Он вышел. Поистине, этот невозмутимый, холодный, бесчувственный человек вызывал ужас... он так хладнокровно собирался причинить мне огромное горе! Я в ярости швырнула подушку ему вслед, потом рывком села, спустив ноги с кровати. Корабль еще не ушел. Отец говорил, что отплытие только через два часа. Надо хотя бы найти Маргариту или Кантэна. Они должны помочь мне.

Черные круги поплыли у меня перед глазами, в голове словно вспыхнула молния. Ах, как сильно стучит кровь в висках! Из-за этой боли и поднимавшейся в груди тошноты я не чувствовала в себе силы ходить.

— Я не позволю ему, – прошептала я иступленно. – А если он сделает так, как сказал, у него не будет больше дочери!

В каюту вошла Маргарита, бросилась ко мне с возгласом радости.

— Как я рада вас видеть, мадемуазель! Все случилось так быстро. Третьего дня приехал его сиятельство, приказал собирать вещи. Нас отвезли на корабль еще вчера вечером, и с той

поры я все ждала, когда нам позволят увидиться. Говорят, вы не совсем здоровы? Я приготовлю вам компресс с винным уксусом. Или, может, растереть несколько зерен муската, чтобы приготовить успокоительное?

Я слушала ее, но мало что понимала. Боль, мучившая меня, развивалась словно по спирали, причиняя все большие и большие страдания. Но когда она достигла высшей точки, сознание погасло, и я будто провалилась в черную бездну.

Глава третья Новобрачная

1

«Коммерс-де-Марсей» прибыл в Гавр 28 апреля 1788 года, через три с половиной месяца после отплытия с Мартиники, а уже первого мая меня привезли в Париж.

В этот день мне исполнилось восемнадцать лет.

Прошло всего два года с того дня, как я покинула монастырь святой Екатерины, а мне казалось, будто минуло целых сто лет. Между шестнадцатилетней девчонкой, мчавшейся на Стреле по безбрежным бретонским лесам, и мною сегодняшней лежала целая пропасть. Я стала совсем другой. Перебирая в памяти пережитые события, я удивлялась тому, что моя жизнь, словно обезумев, мечется между пиком счастья и бездной отчаяния. Последней точкой в этом метании стала разлука с Жанно.

Я не покончила с собой и не умерла от горя. Я даже не заболела, если не считать лихорадочного бреда, в котором пролежала первые три дня плавания. Более того, я почти успокоилась. Не сразу, а постепенно... Сначала ребенка мне не хватало просто физически. Я так привыкла чувствовать, ощущать его, что умирала от желания увидеть Жанно, расцеловать нежные пухлые щечки, ощутить на груди его теплое дыхание... Это было невероятное состояние. Я словно разрывалась на части. Я утратила себя, меня жестоко вывернули наизнанку и бросили умирать. Во сне я бредила, что Жанно рядом, где-то возле меня, надо только найти его! Как сомнамбула, бродила я по кораблю, натываясь на стены, подходила к борту судна и долго глядела в воду. Соленые брызги летели мне в лицо, и я приходила в себя. Понимала, что просто схожу с ума...

Принц недаром устроил так, чтобы путешествие было столь длинным. Мы несколько недель в феврале жили на Мадейре, ожидая, пока днище судна очистят от морских наростов и покроют составом, предохраняющим от гниения. Следующая остановка была в Португалии, в громадном порту Лиссабона, где мы стояли так долго, что отец возил меня поглядеть на королевский двор, а так же прогуляться по бурной и широкой реке Тежу, несущей свои воды в Атлантику. Все эти красоты, конечно, отвлекали меня от переживаний... тем более, что Лиссабон поразительно быстро восстанавливался после катастрофического землетрясения, буквально стершего его с лица земли. Кроме того, нас с отцом в прогулках по Португалии сопровождал капитан судна, тридцатилетний Франсуа де Вильер, бравый морской офицер с зелеными глазами и курчавой шевелюрой, на вид жесткой, как проволока. Этот малый был весьма недурен собой, держался с моим отцом независимо, без всякого подобострастия, и в другое время я непременно оценила бы по достоинству и эту независимость, и те взгляды, которые он на меня бросал. Но я вела себя холодно и рассеянно – мне было не до флирта. В конце концов, оскорбившись, он стал избегать встреч со мной, и я его почти не видела.

Чуть позже, уже в апреле, «Коммерс-де-Марсей», везущий на себе, кроме ста сорока пушек, еще и груз карибских пряностей, долго выгружал их в порту Ла Корунья. Вообще-то военному судну воспрещалось перевозить какие-либо товары, но капитан де Вильер решил на нарушение правил и выполнил заказ испанских купцов по доставке в Европу драгоценного

груза. От моего отца не укрылось это обстоятельство. Наблюдая за тем, как толпа торговцев нетерпеливо принимает в порту тюки кайеннского перца и корицы и как капитан судна запросто ведет себя с этими людьми, он произнес:

— Капитан де Вильер – большой предприниматель, как я погляжу. Мне в его возрасте и в голову не приходило зарабатывать на своей должности. И это дворянин! Право, он заслуживает того, чтоб об этом узнал адмирал де Сюффрен.

Все, что говорил принц, вызывало у меня отторжение. Услышав его слова, я вся вскинулась, глаза у меня заблестели:

— Вот как? Может, вы даже напишете донос на этого человека? Это будет достойно аристократа!

Отец холодно посмотрел на меня:

— Ничего подобного я не сделаю, разумеется. Я благодарен ему за то, что он столько времени терпел ваши капризы на судне. Но в целом этот человек нечист на руку, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

С этого дня он не посещал салон, где все обедали. Впрочем, мне от этого было даже легче. К отцу я чувствовала ненависть и отвращение. Во-первых, он унизил меня... во-вторых, он постоянно втолковывал мне, что я должна забыть Жанно, что у меня еще будут дети – законные наследники. В-третьих, будто совершенно не понимая, какая рана кровоточит у меня внутри, он постоянно напоминал мне, что, как только мы ступим на французскую землю, состоится мое бракосочетание с Эмманюэлем Филиппом Дени де Сен-Клером, принцем д'Эненом, полковником королевской гвардии. Венчание должно было состояться невзирая ни на что, без всяких проволочек и при любой погоде, пусть даже ураган пронесется над Парижем. Никакой церемонии помолвки не требовалось, потому что она, как мне стало известно, уже была заключена в начале прошлого лета, когда я сама была на Мартинике.

На все это я смотрела вполне равнодушно. Меня ведь все равно выдадут замуж, разве не так? Для принца де Тальмона это стало целью жизни. А раз так, не все ли равно, кого он для меня выбрал? Принц д'Энен казался мне лучшим из того, что мог предложить отец.

Правда, этого юношу я почти не знала. В моей памяти жило смутное воспоминание о первом бале в Версале, о красивом, но каком-то невзрачном молодом человеке, заикающемся и робком, своим поведением возбуждающем жалость. Это было все. Да еще я помнила, что он несколько раз сопровождал меня, неся перчатки или муфту и не мешая кокетничать с другими офицерами. Я догадывалась, почему именно он был избран мне в мужья. Несомненно, и в этом деле витало имя графа д'Артуа. Мой отец всегда держал его сторону. Принц д'Энен тоже состоял в свите брата короля. Чтобы я, выйдя замуж, ни в коем случае не покинула клан д'Артуа, мне нашли мужа из той же партии. Очень легкий расчет...

Я подписала предложенный мне брачный контракт, скрупулезно составленный лучшими парижскими юристами. И лишь мимолетно отметила пункт, согласно которому я в случае смерти мужа становлюсь наследницей его титулов и состояния и получаю право распоряжаться ими по своему усмотрению. Если бы я была алчной, этот пункт очень бы меня утешил.

Мне не давали ни минуты покоя. Отец пичкал меня наставлениями о том, как следует вести себя при дворе – весело, непринужденно, как ни в чем не бывало.

– Что за недовольная гримаса у вас на лице? Улыбайтесь! Вы похорошели, вами будут очарованы при дворе абсолютно все. Я знаю, что вы упрямы, как мул, и не слушаете моего совета. Но я взываю к вашему здравому смыслу: к чему демонстрировать всем, что с вами стряслось? Неужели вы думаете, что кто-то посочувствует вашему сумасбродству? Над вами позлословят, как это обычно бывает в Версале. Вы этого хотите?

Вслух я не спорила, хотя то, что он постоянно указывает мне, как и что делать, ужасно меня раздражало. Но терпеть оставалось недолго. Дайте только мне выйти замуж и освободиться от власти отца... Я стану сама себе хозяйкой. Никто не сможет мне приказывать.

Принц повез меня в Версаль на аудиенцию к их величествам: нужно было представить королю наш брачный контракт. Я была удивлена, насколько легко вновь привыкла к тяжелым платьям из бархата и атласа, высоким пышным прическам, вплетенным в волосы жемчужным нитям и скользким крошечным туфелькам. Словно не было ни океана, ни Мартиники.

– Прошу вас, мадемуазель! Прошу, ваше сиятельство, – услужливо сказал лакей, распахивая перед нами дверь королевского кабинета.

За тот год с небольшим, что мне не доводилось видеть королеву, Мария Антуанетта изменилась. Постоянные балы и ночные развлечения сделали свое дело: никакая пудра уже не могла скрыть темные круги под глазами, а бледность кожи ясно проступала сквозь густой слой румян. Безусловно, на королеву отрицательно повлияла и смерть маленькой принцессы Софи Беатрисы – ребенку едва исполнилось одиннадцать месяцев. Для королевы, горячо любившей своих детей, наверняка это было страшным ударом. Я представила, что такая участь может постигнуть и меня, и содрогнулась от ужаса: кажется, я не пережила бы потери Жанно! А что сказать о короле? Когда родились его дети, он был сам не свой от радости, даже плакал от счастья... Что же он чувствовал тогда, когда умерла его младшая дочь?

Но хотя Мария Антуанетта не выглядела свежо и молодо, она все еще была красива: все так же не требовали притираний и шиньонов ее чудесные пепельно-русые волосы, высокий гордый лоб еще не обозначили морщины, и уголки полных губ, свойственных всем Габсбургам, еще не опустились. Да и возраст – всего тридцать три года... Каждый, взглянув на королеву, мог бы с легкостью представить себе, как хороша она была в юности. Как хорошо служить столь красивой и доброй королеве! Я подумала об этом и одновременно отметила про себя, что это первая светлая мысль, которая посетила меня по возвращении во Францию.

Я мало говорила, предоставляя речи отцу, и только сделала несколько глубоких реверансов. Я дождалась, когда же, наконец, закончится разговор между королем и принцем. Речь шла, по моему мнению, о всякой чепухе: принц де Тальмон рассказывал о положении в войсках, о настроениях, преобладающих среди офицеров... Король слушал все очень внимательно. Потом почему-то вспомнили покойного Морепы, стали обсуждать его действия по восстановлению парламентов.

— Это была огромная ошибка, ваше величество, – утверждал мой отец. – Если уж ваш дед решил на их уничтожение, ни в коем случае нельзя было их восстанавливать. Там собирается всякое отребье, все враги государства и короля. Когда-то они были оплотом янсенистов и вместе с ними расшатывали религию. Парламенты сыграли роковую роль против иезуитов.

— Увы, – сказал король, – я был слишком молод, когда взошел на престол. И я так доверял Морепы.

— Могу предположить, господин Морепы не столько помогал вам, сир, сколько мстил вашему предшественнику за опалу, в которой пребывал тридцать лет, – заметил отец. – Пристрастность Морепы нанесла королевству большой вред.

Это прозвучало резко. Король, слегка смутившись, пожал плечами:

— Что поделаешь, принц. В ту пору у меня не было такого советника, как вы.

— Но и сейчас еще не поздно все изменить, сир. Нужна только твердость. У вас есть войска. Обопритесь на них.

— Сегодняшнего положения дел не поправят войска, – возразил король. – Финансы в большом расстройстве. Разве может сила справиться с этим?

— С расстройством финансов – нет, но сила может оградить вас от памфлетов и оскорблений. С помощью силы можно вышвырнуть из королевства всех интриганов, которые горланят о Генеральных штатах. Позже, когда умы успокоятся, можно будет провести реформы – но уже свободно, не под их принуждением.

Король покачал головой, дав понять, что не собирается обсуждать подобный выход. Королева скучала и не скрывала этого. Я, наблюдая за отцом, полагала, что он отступит, смолчит. Но он оказался настойчив.

— Разве курфюрст Баварии не передал вашему величеству документы иллюминатов? – попытался он. – Мой друг маркиз де Вирье, изучавший их, полагает, что дьявольские сети раскинуты мастерски. Церкви и Франции грозит огромная опасность.

— Я читал эти бумаги, – ответил король с некоторой досадой.

— Неужели, сир, они не произвели на вас никакого впечатления?

— План, без сомнения, ужасающий. Но его кошунственность и внушает сомнения...

— Полагаю, сир, курфюрст Баварии не стал бы сообщать всему миру о фальшивках.

— Я и не говорю, принц, что бумаги фальшивые. Но Франция так могущественна, что я с трудом представляю руку, способную нанести ей удар. Мы – самая большая страна Европы...

— Тем более, – сказал отец с явной горечью. – Тем более, сир, Франция является для этих интриганов мишенью номер один. И если б они были только интриганы! На каждой парижской улице я вижу следы их финансового влияния. Оно колоссально. В каждой кофейне читают лживые листовки. Этих листовок, брошюр – тысячи. Скрытые типографии работают не покладая рук. Откуда берутся деньги на это? Кто пропитывает страну ядом? Лавина грязи, которая обрушивается на королевский двор, явно кем-то направляется. А дело Калиостро⁹? Неужели вы думаете, сир, что этот шарлатан действовал без всякого плана, и ее величество пострадала только потому, что звезды на небе так сложились? Кто прислал его в Страсбург, а затем в Париж? Какая сила открыла для него лучшие гостинные столицы? Неужели эта сила – случай?

В голосе принца прозвучала ирония. Король некоторое время размышлял, лицо его потемнело.

— Я полагаю, что это могла организовать Пруссия, – сказал он наконец. – Покойный Фридрих любил собирать вокруг себя врагов Бурбонов.

Гримаса промелькнула по лицу отца. Он, казалось, был разочарован.

— Разумеется, сир. В какой-то мере. Но не думаю, что цели Фридриха были так обширны. Он хотел унижить Францию, а не разрушить все троны и алтари Европы.

— Вы снова напоминаете мне об иллюминатах. Но ведь они запрещены в Баварии! Курфюрст их разогнал.

— Довольно сомнительно, сир, чтоб тайное общество можно было разогнать указом. Боюсь, у Франции есть сильный враг. Невидимый. И когда он выйдет на свет, бороться с ним будет уже поздно.

— У вас есть какие-то предложения, принц?

— Есть, сир. Они касаются усиления полиции и армии.

— Передайте их мне. Я подумаю над этим.

Я слушала этот разговор, и мне стало как-то тревожно. Мне были непонятны в нем многие слова, я не знала, кто такие иллюминаты и не слышала ни о каком скандале с их ужасными бумагами. Но здравый смысл подсказывал мне, что королю следовало бы прислушаться к словам моего отца. Впрочем, потом прежняя неприязнь к принцу всколыхнулась у меня в груди. Поскорее бы он уже закончил со своими нагоняющими страх разговорами! Король абсолютно прав: Франция сильна и громадна, ни одна страна Европы не может сравниться с ней в блеске и славе, здесь живет двадцать пять миллионов французов – кого и по какой причине королевство должно бояться? Каких-то сумасшедших, у которых нет ни малейшей возможности осуществить свои мятежные идеи?

Если б я высказала свои мысли вслух, королева наверняка была бы солидарна со мной, так утомил ее этот скучный и зловещий разговор. Как только мой отец умолк, она поспешила ко мне, по-матерински заключила в объятия – я даже не знала, чем заслужила такой прием.

– Ах, дорогая моя! – воскликнула Мария Антуанетта. – Вы великолепно выглядите – просто расцвели... Воздух провинции явно пошел вам на пользу. Я так соскучилась по вас, Сюзанна. Как только вы станете принцессой д'Энен, я предоставлю вам место статс-дамы, чтобы вы неотлучно были при мне.

– Вы забыли мадам, что мадемуазель де Тальмон только что сняла траур, – серьезно произнес король. – Еще раз выражаю вам, дорогая Сюзанна, наши соболезнования по поводу смерти вашей тетушки, столь горячо любимой вами. Наверное, предстоящее бракосочетание станет для вас настоящим испытанием. Даже не знаю, отчего ваш отец так спешит со свадьбой.

– Может быть, жених не желает ждать, – пояснила королева. – Вы должны быть счастливы, правда, моя милая?

– Почему, мадам? – спросила я с превосходно разыгранным равнодушием.

– Вы любите своего будущего мужа?

– Я не видела его больше года, государыня, и вряд ли чувство, которое я испытываю к нему, можно назвать любовью.

Отец недовольно кашлянул у меня за спиной. Мои слова явно всех изумили. Конечно, надо было выразиться сдержанней, но я не хотела этого делать. Пусть весь Версаль знает, что Эмманюэль д'Энен для меня – пустое место.

– Ну, во всяком случае, все должны когда-то выйти замуж, – смягчила ситуацию любезная Мария Антуанетта, – а принц д'Энен, что ни говорите, блестящая партия.

– Дочь моя, – вмешался король, – мне угодно поговорить с вами наедине.

Я изумленно взглянула на Людовика XVI. Он был всегда ласков со мной, это так, но я не предполагала, что он выскажет такое желание. Итак, меня ожидает разговор с самим королем?

– Я всегда к услугам вашего величества.

Я оказалась в кабинете наедине с королем и осторожно присела на краешек стула – у меня ведь было «право табурета», право сидеть перед королями. Его величество казался мне смущенным. Впрочем, застенчивость была его обычным состоянием и... даже делала его непохожим на Бурбона. Нет, конечно, в его облике вполне угадывались фамильные черты: прекрасные голубые глаза, выразительный нос, привлекательная искренняя улыбка. Но в нем не было и следа тех величия и изящества, что демонстрировали подданным его венценосные предки. Они любили балы, войны, танцы, он же предпочитал всему этому молитву, исповедь, работу в своей мастерской. Людовик XVI был невысок ростом и довольно тучен, мог порой принимать нелепые позы; если ходил, то шараялся из стороны в сторону, если стоял и беседовал, то не скрывал, что тяготится этим.

Никакие советники и министры не могли перебороть в нем этого. Рассказывали, что на одном из приемов он потерялся среди толпы, не смог разыскать собственное кресло и пригнулся на краешке табурета одной дамы. Это разъярило Морепя, который металлическим тоном долго втолковывал его величеству: «Когда вы в кругу своих, уместно вести себя непринужденно и на равных. Однако на публике вы – король, и перед лицом восьмисот зрителей нельзя забывать о своем королевском достоинстве. Французы не привыкли видеть, чтобы с королем обходились таким образом...»

Но эти выговоры не изменили натуры монарха. Он и сейчас, позвав меня в кабинет, не сразу нашел слова, чтобы начать разговор. Некоторое время он будто думал о чем-то, склонившись над чертежами ныне строящегося Бургундского канала, разложенными у него на столе. Ожидая, я скользила взглядом по стенам. Сколько здесь было географических карт! Казалось, королю интересуют устройство мира до самых мелких подробностей. На одном из кресел была оставлена книга, раскрытая на середине, и я с удивлением заметила, что его величество, по видимому, читает по-английски – книга была именно на этом языке.

– Меня удивила ваша печаль, мадемуазель, – наконец, произнес Людовик XVI.

Я подняла на него удивленные глаза.

– Печаль? Я была в трауре по тетушке, сир.

– Нет. Я говорю не о том. Вы чем-то озабочены, не так ли?

– Только предстоящим замужеством, сир.

– Мадемуазель, – мягко прервал он меня. – Я давно хотел вам сказать, что мне известно все.

Я невозмутимо смотрела на него.

– Что именно вам известно, государь?

– Тайна вашего отсутствия, вот что!

Он произнес это таким тоном, словно это было тайной и для меня.

– Все не смерть мадам де Ла Тур, этой действительно доброй женщины, отправила вас в такую даль от Франции. Я попытаюсь говорить деликатно, но все же выражусь вполне ясно: вы ожидали ребенка, оттого и уехали.

Его величество был несколько смущен своей прямоотой. Я старалась держаться спокойно. Уж не пришлось ли ему в голову прочитать мне лекцию о нравственности и о греховности внебрачных связей? В таком случае его величеству надо было начать с других дам, у которых по пять любовников одновременно и по трое детей, отцы которых неизвестны.

– Это правда, государь. Но...

– Дорогое дитя мое, я буду говорить вам не вполне приличные вещи... возможно, ваши уши не привыкли к ним...

«К чему не привыкли мои уши! – подумала я. – Да есть ли что-нибудь такое, о чем бы в Версале не говорилось?»

– Только долг толкает меня на этот разговор!

– Какой долг, сир?

– О, только долг перед белыми лилиями¹⁰, конечно!

Я была окончательно сбита с толку и даже смутно не догадывалась, что же ему от меня нужно.

– Простите, ваше величество, но я ничего не понимаю.

– А вы послушайте, мадемуазель. Вспомните, как вы блистали при нашем дворе пятнадцать месяцев назад. Мой брат, граф д'Артуа, он был увлечен вами, и эта связь, я знаю, не была платонической.

Меня бросило в дрожь. Можно было себе представить, какова была эта связь, если даже по прошествии такого времени меня все еще одолевает смущение.

– Да, вы правы, государь, – сказала я тихо. – Его высочество оказал мне честь, удостоив меня своей благосклонностью.

– И у меня есть все основания считать, что ребенок, который у вас родился, – сын моего брата, но только вы, по своей скромности, не решаетесь в этом признаться.

Пораженная, я смотрела на короля. Мысль о том, что моего ребенка могут считать сыном принца крови, давно уже не приходила мне в голову. С того времени, как я выяснила, что отец Жанно – Анри де Крессэ. Но другие-то этого не знали! Как не знали и точной даты рождения моего сына. Легко можно солгать, что он родился не в июле, а в сентябре, то есть в срок. А сколько выгод можно извлечь из этой лжи... В частности, сыграв на этом, я могу вернуть себе сына. Конечно, сам граф д'Артуа не так наивен и сентиментален, как король, и никогда не будет уверен точно, что Жанно – его сын. Но не будет уверен и в обратном... Все эти мысли вихрем пронесли у меня в голове, пока я сидела молча, с виду побледневшая и спокойная. Моя бледность еще больше убедила короля, что его догадка справедлива.

– А, я вижу, вы признаете это! Не бойтесь, дитя мое! Ваш сын – сын графа д'Артуа, отпрыск Бурбонов, пусть незаконнорожденный, но ведь его кровь от этого не становится более жидкой, правда? Это королевская кровь!

– Д-да, – подхватила я, начиная понимать, что этот разговор для меня не бесполезен, – она достойна того, чтобы находиться во Франции.

Людовик XVI насторожился.

– Во Франции? Что значит – во Франции? Уж не хотите ли вы сказать, что он в какой-то другой стране?

– Сир, он был оставлен мною на Мартинике! Отец сказал мне, что так будет лучше для всех.

– Это большая ошибка. Но мы исправим ее.

– Вы привезете его сюда?

– Да, мадемуазель, я лично позабочусь об этом. Нехорошо лишать ребенка матери. Мой брат сам мог бы подумать об этом, если б не был так легкомыслен.

В порыве радости я схватила руку короля и осыпала ее поцелуями. Слезы показались у меня на глазах.

– Ах, сир! Сделайте это поскорее! Поверьте, это совсем нетрудно. Ребенок остался на одной из тамошних ферм, его легко найти...

– Я займусь этим делом, мадемуазель, еще до начала Государственного совета.

Я была вне себя от счастья и в мыслях возносила короля до небес. Людовик XVI – самый лучший государь на свете!

Как глупы и ничтожны люди, которые насмеваются над ним, отпускают остроты по поводу его манер и мужской силы. Во Версале полно щеголей с изящными манерами, и еще больше отъявленных развратников, но чего они стоят по сравнению с добрым и благородным королем Франции? Его набожность, ежедневное посещение мессы, частые исповеди и причастия – не показуха; только человек с добрым сердцем, истинный христианин мог задуматься о моем горе, о моей разлуке с ребенком и придумать, как мне помочь! Всем, абсолютно всем было наплевать на это... только не ему!

Слезы выступили у меня на глазах.

– Вы так добры, сир! – воскликнула я, сияя от счастья и прижимая к себе его руку. – Пусть вас благословит Бог!

– Благодарю, мадемуазель, – смущенно отвечал король, осторожно отнимая свою руку, – я, еще когда вы были девочкой и ваш отец просил у меня дозволения признать вас дочерью, обещал заботиться о вас. Кстати, ваше скорое замужество... Готовы ли вы к нему?

Я подавленно молчала. Стоило ли обременять Людовика XVI еще и этими заботами?

– Сир, я не могу сказать вам ничего другого, кроме того, что только воля моего отца вынуждает меня на этот брак. С другой стороны, я не могу сказать ничего плохого о принце д'Энене.

– Да, вы правы... – сказал король, поглаживая подбородок. – Он на хорошем счету у принца Конде¹¹, и в таком возрасте – уже полковник... Но вы, дочь моя, – не слишком ли вы страдаете от необходимости выйти за него замуж?

– Нет, сир, не слишком. Честно говоря, я к этому равнодушна.

– Ваше сердце не затронуто, я понимаю... Однако любовь не всегда есть неременное условие для прочного брака. И мне почему-то кажется, что принц д'Энен будет хорошим супругом. Мне нравится этот молодой человек. Тихий, спокойный, застенчивый, он так не похож на многих придворных вертопрахов. А это совсем не плохо, уж поверьте мне.

– Да, сир, – произнесла я без всякого выражения.

Людовик XVI решил закончить эту тему.

– Итак, мадемуазель, мы будем рады видеть вас в Версале после вашего бракосочетания.

Несмотря на не слишком приятное окончание аудиенции, из кабинета короля я выходила счастливая, как никогда ранее. Великолепные росписи на стенах и потолке Эй-де-Беф, витые консоли, сверкающая мозаика, блеск позолоты на роскошной мебели, струящийся бархат пор-

тьер – все это сейчас казалось мне в тысячу раз прекраснее, чем накануне. Я увидела свою мачеху, ожидающую моего появления, не выдержала и, подбежав к ней, поцеловала в щеку.

– Спокойнее! – воскликнула она. – Что за нежности? Помните об этикете!

Эти слова быстро охладили меня, и я, придя в себя, сразу уяснила неестественность своего поведения. Я не любила Сесилию, свою мачеху, и виделась с ней очень редко. Она платила мне тем же, хотя, возможно, в душе уже смирилась с тем, что именно я, внебрачная дочь ее мужа, стану наследницей титула и состояния.

– Благодарю за напоминание, – сказала я с горечью в голосе. – Напомню и вам, сударыня, что у вас булавка от пластрона откололась, и выглядит это почти неприлично.

С холодной улыбкой она возвратила жемчужную булавку на место.

– Вы остры на язык, моя милая. Только не следовало бы демонстрировать это во время аудиенции. Ваш отец рассержен тем, что вы сказали о своих чувствах к принцу д'Энену.

– Мне это безразлично.

— Надеюсь, в своем безразличии вы не забыли, что надлежит нанести визит графу д'Артуа?

Мимо проходила герцогиня Диана де Полиньяк. Она услышала последние слова мачехи.

– Мадемуазель де Ла Тремуиль! – воскликнула герцогиня. – Моя малышка! Мы с вами еще не виделись. Ну, здравствуйте, душенька. Кажется, вы хотели видеть графа? Он сейчас у своей супруги.

– Вот и отлично. – У меня отлегло от сердца. Нет ничего безопаснее, чем посетить принца крови в салоне его жены. – Я им обоим засвидетельствую почтение.

– Я похищаю вас, душенька! Пойдемте к д'Артуа вместе.

Она подхватила меня под локоть и повела длинными знакомыми галереями.

2

Жена принца крови, дочь короля Сардинии, была одной из самых непопулярных персон при дворе. Муж находил ее неинтересной. После того, как пять лет назад у четы родилась дочь, его визиты к принцессе можно было пересчитать по пальцам, а если уж граф д'Артуа и отправлялся к ней, то придворные острили: «Чудо! Его высочество выбрался отведать савойского пирога с чаем!» Сейчас, похоже, был как раз тот редкий случай: покои принцессы были полны придворными. Уже издали слышен смех и, кажется, звуки откупориваемого шампанского.

– Что случилось? – удивленно спросила я у герцогини. – Принц снова влюбился в свою жену?

– Вам лучше это знать, душенька! – отвечала герцогиня с известной долей иронии, которая превратила ее слова в намек. – Вы были таким близким другом его высочества.

Казалось, в салоне что-то празднуют. Обстановка была самая непринужденная, лакеи разливали пенящееся вино в десятки бокалов и разносили гостям разнообразные сладости. Дворецкий заметил меня и собирался было огласить мое имя, но я сделала ему знак остановиться: слишком уж свободная атмосфера в покоях принца и обилие приглашенных не располагали к официальной аудиенции. Я прошла в салон. Графиня д'Артуа, сидевшая в глубоком кресле, холодно кивнула мне. Я сделала глубокий реверанс. По лицу принцессы очень ясно промелькнуло выражение неприязни.

— Время пошло, ваше высочество! Ваше безумное пари стартовало! – восклицал один из придворных. – Но что вы скажете королеве, если проиграете?

— Никогда в жизни! Я бьюсь об заклад только тогда, когда уверен в успехе.

— Если вы добьетесь цели, ваше пари войдет в историю, монсеньор!

Здесь, похоже, только и говорили, что о каком-то пари. Взяв с подноса изящную тарталетку со свежей малиной и белоснежным кремом, я некоторое время слушала эти возгласы, ничего не понимая, потом шепнула Диане де Полиньяк:

— Что здесь затевается, мадам?

Она поглядела на меня с непонятной улыбкой и нарочно ответила громким грудным голосом, чтоб ее услышали все в салоне:

— Мадемуазель де Ла Тремуиль только что приехала. Она еще ничего не знает о вашей аванюре, монсеньор!

Граф д'Артуа резко обернулся. Он заметил меня, и наши глаза встретились.

Он совсем не изменился, только взгляд стал еще более дерзким. Тишина повисла в салоне, смех умолк. Я молча сделала реверанс, ощущая, впрочем, как мурашки бегут по спине. Никаких отношений с принцем я возобновлять не собиралась, но все-таки его взгляд заставил меня слегка смутиться. Его глаза говорили: «Вы вернулись? Я довольно долго ждал этого. И я не ожидал, что вы так чертовски похорошеете. Разумеется, я заполучу вас вновь, чего бы мне это ни стоило». Но, кроме вожеления, в его взгляде плескалось еще что-то, похожее на ревность или на злость.

– Значит, слухи о вашем приезде были правдивы!

Я снова сделала реверанс, стараясь сохранять полное хладнокровие.

– Да, ваше высочество, несколько дней назад я вернулась в Париж.

– Вы не очень-то спешили в Версаль, – небрежно произнес он сквозь зубы.

Но за небрежностью тона я чувствовала совсем другое. Его взгляд просто впивался в меня, скользя по лицу, волосам, груди, полуоткрытой глубоким декольте, и маленьким ногам, обутым в атласные туфельки, чуть виднеющиеся из-под пышных юбок. Это откровенное, до неприличия, жадное внимание превращало светский разговор в какую-то скандальную сцену, недаром придворные притихли и с любопытством наблюдали за нами.

– Провинция пошла вам на пользу? – резко спросил он.

– Надеюсь, ваше высочество.

– Вы не стали провинциалкой, поздравляю вас.

– Благодарю, ваше высочество.

– Я слышал, вы выходите замуж, мадемуазель?

– Да, монсеньор. Выхожу замуж за принца д'Энена де Сен-Клера.

– Отличный выбор, без сомнения! Принц, черт возьми, молод, хорош собой... ну, а то, что он не умеет и слова сказать, – это ведь не такой уж большой недостаток, не правда ли?

«Уж не ревнует ли он?» – подумала я. Но в любом случае я ничего не отвечала на это язвительное замечание, стояла молча и невозмутимо, как статуя. Когда-то меня учили держать паузу. Она иногда больше, чем слова, дает понять собеседнику, что он сказал глупость. В самом деле, какое право он имел ревновать? Что он сделал для меня? И что мог мне предложить?

– Я буду на вашем венчании, слышите? – Он сказал это так, словно угрожал мне.

– Слышу, монсеньор, и благодарю. Это большая честь для нас.

– Вот и прекрасно. Надеюсь, вы будете счастливы.

Граф д'Артуа надменно протянул мне руку для поцелуя. У меня запылали щеки. Такого поворота я не ожидала, иначе ни за что не явилась бы на эту встречу. Конечно, принц крови имеет право так поступать. Может, его ревность так замучила, что он решил поиздеваться надо мной. Но, черт возьми, всему есть предел. Я бы поцеловала руку кому угодно, только не ему! Он был моим любовником, он был для меня кавалером, но только не принцем крови и не повелителем! И теперь он полагал, что может унижать меня?

– Благодарю вас, принц, за добрые пожелания, – сказала я холодно, не делая ни шагу к протянутой руке графа. – Ваше присутствие на свадьбе необыкновенно меня воодушевит.

Он ждал напрасно. Произнеся эти слова, я сделала не слишком глубокий реверанс и, повернувшись к принцу спиной, вышла в галерею.

– Какая вы горячка! – прошептала мне на ухо Диана де Полиньяк. – Это очень нехорошо – поступать таким образом, да еще на глазах у стольких придворных. С принцем нужно искать мира...

– Мира! – Я разозлилась. – Но не такой же ценой!

Остаться в салоне принцессы мне не хотелось, и я искала причину, чтобы вообще уйти. Диана знаком подозвала лакея, взяла у него бокал с шампанским, почти насильно передала его мне.

— Выпейте. Хотя бы пригубите. Провинция сделала вас дикой.

— Не обольщайтесь, мадам. Я всегда была такой.

— Ах да, вы же дочь итальянской матери, – сказала герцогиня. – Дикарка в Версале, будто дитя природы! Это модно сейчас. Не удивительно, что принц так сердится. Такая красавица – и выходит замуж! Он несколько раз просил вашего отца сохранить вас для него.

Я чуть не поперхнулась шампанским.

— Что за вздор? О чем вы говорите?

— Я прекрасно знаю это, – невозмутимо сказала герцогиня. – Мы с принцем друзья, у него нет от меня тайн. Он красивый и страстный мужчина, немногие красавицы были жестоки к нему. Но вы – его особая слабость.

— Как же можно... адресовать моему отцу такую просьбу, даже не переговорив со мной?!

— Это Версаль, – усмехнулась герцогиня. – Тут так принято. Но ваш отец ответил отказом. Он хочет выдать вас замуж и пошел только на один компромисс: согласовал с принцем кандидатуру вашего мужа.

Все это казалось мне отвратительным. Да, все, включая эту развратную всезнающую герцогиню! Я не понимала, зачем она со мной возится. Наверное, чтобы сделать принцу крови приятное. У нее полно долгов, вот она и служит ему, внушая мне то, что ему выгодно. Как мерзок порой этот дворец! После Мартиники я это особенно ощущала. И сочувствовала королю, который со дня своего восшествия на престол пытается изменить нравы придворных, нисколько не преуспев в этом...

Сдержавшись, я спросила:

— О каком пари говорили в салоне?

— Чистое сумасшествие! Именно то, что свойственно д'Артуа... Год назад он приобрел у своего ловчего землю в Булонском лесу, а недавно поклялся ее величеству, что сумеет за три месяца построить там павильон, достойный принимать королеву.

— За три месяца? Я не ослышалась?

— Все задают этот вопрос, когда узнают об условиях спора. Три месяца, да! Пока королева будет в Фонтенбло, павильон будет закончен.

— Если это и возможно, – сказала я убежденно, – то будет стоить непообразимо дорого.

— Безусловно. Но его высочество на все готов, когда добивается своего. – По губам Дианы скользнула улыбка. – На все готов.

Склонившись ко мне, она прошептала мне прямо на ухо:

— По слухам, его высочество без ума от Розали Дюте. Возможно, этот павильон он строит, чтобы вскружить ей голову.

Хотя дыхание герцогини было вполне душистым, я сделала движение, чтобы поскорее отодвинуться от нее. Розали Дюте, надо же! Я слышала это имя раньше: оно принадлежало знаменитой актрисе, красавице лет тридцати, что мне тогда казалось возрастом увядания. И все же будто острая игла кольнула мне в сердце, когда я узнала об этом. Мне хотелось думать, что принц крови никем и никогда не был так увлечен, как мной. Но это убеждение было бы явно поколеблено, если б нашлась женщина, ради которой он затеял столь безумный спор.

Однако я не позволила герцогине насладиться моим замешательством. Я своенравно повела плечами и сказала ей, что, ради каких бы целей ни затевались подобные пари, недо-

пустимо пускать на ветер огромные суммы в то время, когда король не может справиться с финансовыми трудностями в государстве.

Герцогиня удивленно посмотрела на меня, словно впервые слышала о подобных проблемах, и ничего не ответила.

3

Маргарита с двумя горничными, ползая по полу, подкалывала булавками подол моего подвенечного платья, а модистка Роза Бертен, стоя чуть в отдалении, металлическим голосом отдавала приказания.

Я была как каменная и стояла не шевелясь. Приготовления были уже почти закончены. Корсет затянут до двадцати одного дюйма, на платье, сшитом Розой Бертен, разглажены все складки. Оно было из ослепительно-белого бархата с вплетенными в него серебристыми нитями. Обнаженные плечи окутаны белым прозрачным муслином. Белоснежные перчатки, в руках – букет флердоранжа... Невесомая фата держится в золотистых локонах с помощью жемчужной диадемы.

– Это все потому, что ваш отец, в отличие от прочих, не влез по уши в долги, – проворчала Маргарита, поднимаясь с колен.

– Можно ли сказать то же самое и о моем будущем супруге? – спросила я насмешливо.

– Ну, сам принц д'Энен еще не успел наделать долгов – ему всего двадцать два года, и, говорят, он весьма скромен. Вы хоть видели его после возвращения, мадемуазель?

– Нет, Маргарита, – произнесла я с отвращением. – Я не видела его с прошлого года. И как жаль, что мне придется видеть его так часто.

– Принц д'Энен такой душка! – воскликнула Маргарита, желая меня утешить. – Нет, я не скажу, конечно, что он блещет умом, однако с таким мужем легко живется, уж вы поверьте: я дважды была замужем. Вы ровно ничего не потеряете. Ваш муженек будет вам в рот смотреть... И ваш отец уже не сможет вам докучать...

– Если бы все было именно так...

Я повернулась к камеристкам, гневно топнула ногой:

– Вы уже закончили работу? Убирайтесь! Я не хочу вас видеть, дайте мне побыть одной! Испуганные, они почти бесшумно покинули комнату, и я дважды повернула ключ в замке.

– Если бы ты знала, Маргарита, каково мне сейчас!

Она смотрела на меня с сочувствием, и по ее лицу было видно, что она сожалеет о том, что ничем не может помочь.

– Жанно у меня забрали. Моя душа пуста, как колодец... Можно было бы оставить меня в покое, правда? Так мой отец никак не желает униматься. Представляешь, что сегодня будет?

– Да что же будет? Будет званный обед, потом венчание, и все тут. Вы зря волнуетесь.

— А потом?

Меня даже передернуло от гадливости.

– Наступит ночь, нас оставят вдвоем... Он станет требовать любви, нежности. Какой бы он ни был размазня, но дружки-офицеры наверняка его многому научили. Я должна буду лечь с ним в постель. Ведь он мой муж, он имеет право. Но какое, к черту, право? Этот молодчик совсем чужой для меня. Я заранее терпеть его не могу... Так и сбежала бы куда-нибудь, лишь бы не насиловать себя.

– А вы почаще в Версале оставайтесь ночевать, у королевы. У вас там будут покои.

– Ты права. Но это будет потом. А сейчас, этой ночью?

– Да уж перетерпите как-нибудь. Говорят, принц д'Энен хорош собой.

Я раздраженно пожала плечами:

– Какое это имеет значение!

– Нет, мадемуазель, имеет! Если бы муж ваш был старый и уродливый, вам бы хуже пришлось.

Я невесело посмотрела на Маргариту.

– Ты что, советуешь мне примириться?

– Да, мадемуазель. Ведь ничего не изменишь, правда? Так зачем же зря себя изводить. Кто знает, может быть, принц д'Энен тоже вас не любит.

Я покачала головой:

– Кто бы его заставил жениться, будь я ему противна? Он совершенно свободен в своих решениях. Родителей у него нет... И все-таки он почему-то отлично спелся с моим отцом!

– Успокойтесь, ради Бога. Вот увидите, все будет хорошо. И для начала постарайтесь не выглядеть букой. Незачем пугать вашего будущего супруга.

– Ладно уж, – произнесла я со вздохом. – Я постараюсь. Только мне до смерти надоело быть игрушкой. Все мною распоряжаются, словно я не способна иметь собственную волю.

– Эти законы установлены задолго до вас, мадемуазель, и не нам их переделывать.

В дверь постучали, и я услышала голос лакея, передающего мне приказание отца потопиться. Я взглянула в зеркало: нужно же запомнить саму себя в день свадьбы! Платье сидело на мне безукоризненно, из тщательно уложенных волос не выбился ни один локон. «Завтра я проснусь уже свободной, – подумала я, пытаюсь ободрить себя. – В новом доме, где я буду хозяйкой... и где не будет места моему отцу». Эта мысль действительно воодушевила меня. Вскинув голову, я царственной походкой вышла из комнаты, очень надеясь, что новая жизнь, которая для меня вскоре откроется, будет лучше прежней.

Эмманюэль д'Энен, который должен был стать не более чем ключом к этой моей новой жизни, ждал меня в карете. Усевшись и расправив юбки, я приветствовала его, а он послушно приложился губами к моей руке. Вздохнув, я отодвинулась от него как можно дальше, не желая вот так сразу сблизиться с этим человеком или, по крайней мере, пытаюсь отодвинуть час сближения. Я толком-то и не разглядела принца, но все в нем вызывало у меня неприязнь: любой жест, любое движение, даже запах одеколона, которым он был надушен. На Эмманюэле был великолепный голубой камзол, расшитый золотыми галунами, белый шелковый жилет с горой кружев на манишке и шпага на сверкающей перевязи. Кто-то придал ему вид настоящего щеголя. Эти пряжки на туфлях, эти чулки, этот безукоризненный парик... Я отвернулась, пытаюсь скрыть свое раздражение.

Свадебные торжества были составлены с учетом традиций наших с Эмманюэлем аристократических семей и могли бы показаться удивительными обычному человеку. Начинались они не с венчания, а с довольно тихого семейного обеда, который должен был состояться под крышей парижского дома принца д'Энена. Поскольку из родственников у него была только престарелая тетушка, которой он был обязан своим воспитанием, а с моей стороны присутствовали лишь отец и мачеха, то обед прошел как нельзя более скучно и скромно: пять человек за столом, совершенно не совместимые по возрасту, а зачастую и плохо знакомые друг с другом, не столько обедали, сколько выдерживали навязанную им церемонию.

К вечеру обстановка оживилась, потому что начали прибывать гости. Само венчание должно было состояться вечером в домовый церкви д'Эненов. Обряд должен был провести аббат Баррюэль, духовник моего отца. На следующий день мы с Эмманюэлем собирались отправиться в Версаль, чтобы засвидетельствовать почтение их величествам и дать несколько свадебных приемов, уже более веселых и пышных, нежели то, что было запланировано в Париже.

Дом, в котором я должна была отныне жить со своим нелепым мужем, находился возле дворца Тюильри, на площади Карусель. Это был большой особняк в стиле позднего барокко, с колоннами и довольно просторным садом, который сразу же привел меня в восторг. Столько деревьев, цветов, зелени – и это в самом сердце Парижа! После обеда, освободившись от докуч-

ной опеки новых родственников, я обошла оба этажа, с изумлением ощущая, что этот дом нравится мне. Наконец-то мне хоть что-нибудь нравится! Особняк был довольно новый, свежий и выглядел очень празднично. Каков бы ни был Эмманюэль, но надо отдать должное его предкам: они создали жилище, куда совсем не стыдно привести жену!

Чуть позже служанки провели меня в туалетную комнату, чтобы я могла привести себя в порядок перед праздничным приемом и освежиться. От волнения меня мучила жажда. Только выпив два стакана ледяного лимонада, я позволила горничным взяться за мой туалет. Они все были новые, и мне это не очень нравилось. Было бы куда лучше, если бы Маргарита занималась мною.

В течение такого знаменательного дня принято было переодеваться трижды, поэтому я сняла расшитый алмазами корсаж и надела такой же, только с более смелым декольте, чтобы наряд приобрел статус вечернего, а также добавила одну нижнюю юбку, чтобы платье было еще пышнее. Только потом я наконец огляделась по сторонам. В комнате негде было повернуться из-за обилия коробок, ларцов, шкатулок и футляров с подарками. Диадемы, ожерелья, кольца, горы золотой тесьмы, венецианских кружев, черепаховых гребней и бриллиантовых заколок, прочих дамских мелочей... Я даже не знала, кто именно преподнес мне тот или иной подарок.

И тут я заметила среди всей этой роскоши нечто совершенно особое. На хрупком стеклянном столике стояла изящная фарфоровая ваза, а в ней был огромный – я даже удивилась, как столик выдерживает подобное великолепие, – благоухающий букет. В жизни я еще не видела такого. Десятки снежно-белых роз... крупных, холодных. Их бутоны показались мне выточенными из снега.

– О Боже! – выдохнула я, не зная, что и подумать. Вид цветов вызывал и восторг, и легкое недоумение. – Кто же это принес?

Служанка подала мне записку. Там была одна строка: «Цветы от того, кто восхищался вами на острове и восхищается поныне».

Ниже стояли инициалы – Р. К. Всего две буквы. И я не сразу поняла, кто за ними скрывается. Речь идет об острове? Но, Боже мой, там я была просто ужасна. Кто может восхищаться беременной женщиной? Я быстро припомнила всех мужчин, которых встречала на Мартинике, – губернатор, Воклер... Потом меня осенило – Клавьер! Тот самый, что поддержал меня в таверне на лестнице!

Но ведь он только торговец... Конечно, красивый, богатый и известный, но он – буржуа, не аристократ! Я разочарованно улыбнулась. Подарок утратил всю свою романтику, едва я узнала, что он от банкира.

Этого человека даже на свадьбе не будет. Стоит ли о нем думать?

– Унесите... эти цветы, – через силу приказала я. – Я не хочу держать их в своих комнатах.

Мне было как-то не по себе. Почему этот человек помнит меня? Знает день моей свадьбы? Зачем ставит меня в известность о своем восхищении?

В легком замешательстве я спустилась вниз, в гостиную, и заняла свое место в салоне. Прием длился долго, и за окном уже стало смеркаться, когда начались танцы. Впервые в жизни мне не хотелось танцевать. Я поискала глазами своего супруга. Он сидел в окружении министра финансов епископа Ломени де Бриенна и вольнодумца маркиза де Кондорсе. Прелат был облачен в фиолетовую сутану из дорогого шелка, подпоясан поясом из тонкой шерсти, его белые руки, унизанные кольцами, гладили шерсть маленькой белой болонки, которую его преосвященство держал на коленях. Драгоценные камни, украшавшие крест на его груди, затмевали своим блеском свет свечей.

Аббат Баррюэль, скромный незаметный человек с соломенными волосами, едва прикрытыми черной шапочкой-палеолусом, в простой черной сутане с белым воротничком, занимал кресло поодаль и по сравнению с епископом выглядел почти как слуга, и я даже задалась вопро-

сом: почему именно этот непрезентабельный священник избран моим отцом для того, чтоб совершить сегодня свадебный обряд?

Конечно, в кругу этих людей говорили о политике. Мне эта тема никогда не была интересна, но надо было хоть несколько минут за день провести рядом с Эмманюэлем, чтобы не возбуждать толки, поэтому я скрепя сердце присела рядом.

– Поймите, монсеньор, – восклицал маркиз, обращаясь к министру финансов, – вы вынуждены идти на крайние меры! Генеральные штаты – единственный выход. Они хотя бы придадут законность вашим проектам и заставят замолчать всех недовольных, если, конечно, в штатах будет представлена нация.

– Генеральные штаты? – меланхолично переспросил Ломени де Бриенн. – Разве недостаточно Государственного совета, который будет созван, и собрания нотаблей? Зачем призывать из тьмы веков столь старый орган власти?

Он почесал за ухом свою болонку. Было заметно, что епископ, хотя и спорит, но без охоты.

– Увы, я слышу об этом двадцать четыре часа в сутки. Но до такого кризиса финансы королевства еще не дошли. Пока я министр, я считаю своим долгом не допустить ничего подобного...

– Этого требует вся Франция, – сказал маркиз де Кондорсе. – Или для вас это ничего не значит?

— Вся Франция? Это преувеличение, сударь. Этого требуете только вы и вам подобные болтуны...

Аббат Баррюэль подался вперед, будто пожелав подхлестнуть вялого Ломени де Бриенна.

– Господин маркиз! Всем известны ваши руссоизм и вольтерьянство. Сейчас это модно, но, поверьте, подобные воззрения хороши в гостиных, а в жизни они принесут королевству лишь разорение, анархию и, может быть, реки крови. Что такое Франция, сударь? Это страна, которая привыкла к традициям, а традиции наши – королевская власть. Если сорвать узду, страна обезумеет. Вы в этом заинтересованы?

– Я заинтересован во власти королевской, но власти разумной и просвещенной, – желчно возразил маркиз.

– Да разве наш король – дикарь? – воскликнул аббат. – Видит Бог, это просвещеннейший государь в Европе. Разве во Франции господствует варварство? Католики и гугеноты равны в своих гражданских правах, у нас нет пытки и есть правосудие, есть свобода слова, в чем вы можете убедиться, купив на любом углу памфлеты, поливающие грязью королеву и королевскую семью. Реформы нужны, без сомнения, и его величество это отлично сознает.

– Сознает, но почему же не делает?

– Всею свое время, сударь. Вы проявляете нетерпение, вы провоцируете беспорядки и волнения, вы, именно вы, а не король и его министры, пытаетесь превратить Францию из цивилизованного просвещенного государства с добрыми традициями и старыми обычаями в пьяного полубезумного паралитика, бредущего неизвестно куда! Вы кричите о произволе, а между тем во всей огромной Бастилии едва ли сидит пять узников; и я не сомневаюсь, что вы, если бы была ваша воля, превратили бы Францию в одну большую Бастилию и, вполне возможно, всех нас сгноили бы там.

Епископ сделал аббату вялый знак, призывая успокоиться. Казалось, он не слишком доволен азартом Баррюэля.

— Ну-ну, не стоит вести таких речей на свадьбе. Что с вами, дорогой аббат? Давайте-ка лучше выпьем немного ликера и насладимся музыкой.

Я слушала это, и вдруг странная шемящая тревога охватила меня. Что-то смутное, недоброе было в этом споре, какой-то предвестник тех несчастий, что ожидали нас в будущем. Когда принесли ликер, я заметила, что аббат Баррюэль не присоединился к общим возлияниям, а уда-

лился в сторону террасы. Будто неведомая сила заставила меня последовать за ним. Я застала его в зимнем саду; худой, невысокий, он стоял среди цветущих розовых кустов и будто в про-
страции перебирал четки.

— Господин аббат...

Я запнулась, не вполне представляя, о чем хочу говорить. Меня вел смутный, глухой страх, который уже не раз возникал у меня в душе с тех пор, как я вернулась во Францию. Возникал ненадолго, на какие-то секунды, но я не понимала природы этих предчувствий, и они были для меня мучительны.

— Да, дочь моя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.